

С.Г. МАЛИНОВСКИ

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

ИДДК

Гвардимайор

С. Г. МАЛИНОВСКИ

Вечная история

«ИДДК»

2019

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Малиновски С. Г.

Вечная история / С. Г. Малиновски — «ИДДК»,
2019 — (Гвардимайор)

ISBN 978-5-4329-0155-2

«Вечная история» – роман, первая книга цикла «Гвардимайор», жанр боевая фантастика, альтернативная история, героическая фантастика, социальная фантастика. Рубеж конца XX – начала XXI века – страшное время в истории Советского Союза – России. Это время крушения первого в мире социалистического государства, время становления Российской Федерации, время потрясений и разочарований. Роман «Вечная история» рассказывает об этом времени с точки зрения фантастического персонажа, который живёт среди нас... и он такой не один. Сами себя эти люди называют «вампирами», но они не пьют кровь по ночам, не охотятся за припозднившимися прохожими. Они просто, в меру своих сверхъестественных способностей, пытаются противостоять глупости и жадности тех, кто хочет сделать нашу жизнь кошмаром. Присмотритесь, может быть и вы знаете кого-нибудь из них... Внимание! Содержит сцены распития спиртных напитков, табакокурения и употребления наркотических веществ. Употребление табака, алкоголя и наркотических средств вредно для здоровья. Внимание! Содержит сцены жестокости и насилия. Возрастные ограничения 18+

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0155-2

© Малиновски С. Г., 2019

© ИДДК, 2019

Содержание

Новелла I	7
Новелла II	23
Новелла III	35
Новелла IV	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

С. Г. Малиновски

Вечная история

© С. Г. Малиновски

© ИДДК

* * *

Данная книга является художественным произведением. Все персонажи вымышлены, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. Мнение издательства может не совпадать с мнением автора.

Внимание! Содержит сцены распития спиртных напитков, табакокурения и употребления наркотических веществ. Употребление табака, алкоголя и наркотических средств вредно для здоровья.

«И вечный бой! Покой нам только снится...»
«На поле Куликовом» (1908 г.) А. А. Блок

Новелла I

...Все началось в тот день, когда я открыл почтовый ящик и получил повестку. Вы будете смеяться, но в армию я хотел, поэтому даже не пытался «откосить», а просто в назначенный час пошел в военкомат. А «откосить» мог, что правда, то правда. Говорят, что альбиносов в армию вообще не берут – со зрением проблемы и на солнце долго нельзя... Но что делать, если душа жаждет приключений и рвется в бой.

По врачам меня гоняли долго. Почти везде отметили отличное здоровье, засомневались только хирург и окулист.

Заглянув в мою карту, призывники весело ржали и, потирая руки, припоминали старую шутку о том, что два солдата из стройбата заменяют экскаватор, ну а я так здоров, что и в одиночку смогу его заменить. В общем, к концу комиссии настроение у меня изрядно испортилось.

Перед заветной дверью с надписью ВВК с грустью в глазах перетаптывалось с десяток парней в одних трусах. Все были как на подбор – просто паноптикум какой-то. Один вообще больше напоминал узника «Бухенвальда» – ребра торчали в разные стороны, а об колени можно было порезаться. Оставалось загадкой, как он смог самостоятельно сюда добраться. Другой больше напоминал колобка с выросшими псевдоподиями. В общем, сплошные крайности. И я не лучше. Волосы белые, глаза красные, на фоне беленой стены маскироваться удобно, только трусы снять и глаза закрыть.

Дверь открылась. Из нее выпорхнула девушка в белом халате и мило прощептала:

– Горлов Иван Николаевич!

Я решительно шагнул вперед. В кабинет зашел печатным шагом, насколько позволяли босые пятки и, как учили, остановился за два метра до стола.

– Призывник Горлов по вашему приказанию прибыл!

Дородный военврач осмотрел меня со смесью удовольствия и разочарования, потом взял личное дело, зачитал записи всех врачей и с сожалением констатировал:

– По всем параметрам хоть в кремлевскую роту, но против природы не попрешь, остается только стройбат.

От обиды на глаза навернулись слезы. Я опустил голову и надрывно вздохнул. Лучше бы я откосил.

И тут от дальнего конца стола раздался резкий голос:

– Призывник, в ВДВ хочешь?

– Так точно, – неуверенно выдавил я, с надеждой поворачиваясь к говорившему.

Врачи тревожно зашептались.

– Вы уверены? – поинтересовался председатель комиссии.

– Беру под свою ответственность, – ответил тот же голос.

– Ну, как знаете, – пожал плечами врач и протянул вставшему со своего места заступнику мое дело.

Тот взял папку и повернулся ко мне. Передо мной стоял высокий худощавый брюнет с очень белой кожей и невероятно светлыми глазами. Звания его я определить не смог, так как халат скрывал погоны.

– Молодой человек, вам надлежит явиться на вокзал с вещами к воинской кассе номер два двадцать второго мая в четырнадцать ноль-ноль.

– То есть послезавтра? – не веря своему счастью, уточнил я.

– Товарищ призывник, приказы не обсуждают, а исполняют. А сейчас сдайте свой паспорт, займитесь оформлением воинского билета и озаботьтесь получением денежного довольствия. Кругом, марш! Исполнять приказ!

– Есть! – радостно рявкнул я и бодро замаршировал из кабинета...

...Следующий день тянулся невыносимо долго. Сдавать паспорта явилось гораздо меньше народа, чем было на комиссии. Мне пришлось особенно тяжело, так как от нетерпения я явился на два часа раньше, чем открывалось окошко, зато я был первым.

Пока ждал, подтянулись остальные. За нами присматривали капитан и два прапорщика, которые с безучастным видом прогуливались вокруг плаца. Деваться из этой толпы было некуда, поэтому я принял участие в общей беседе. Ребята в основном травили байки, кто и как отмазывался от армии. Судя по тому, что все рассказывающие находились здесь, байки были абсолютной брехней. Но одна из них, про психиатра, мне очень понравилась...

...Некий призывник, скажем Иванов, обладал недюжинным здоровьем и богатым папочкой, так что корячился ему как минимум Афганистан. Естественно, ни папу, ни тем более сына это не устраивало. К кому только не обращался несчастный отец, но все врачи, как сговорившись, утверждали, что здесь ничего нельзя сделать. Помочь согласился только психиатр.

От суммы, которую назвал врач, у отца глаза вылезли на лоб, но он, ни на секунду не задумавшись, полез в карман за деньгами.

– Ни в коем случае, – величественно заявил психиатр, – служить сыну, а не вам, вот пусть он и приносит деньги, но не сюда, сегодня вечером на кладбище, пятнадцатый сектор, могила Розы Абрамовны Иффенбах, прийти он должен один, ровно в тот час, когда солнце коснется горизонта.

Озадаченный отец, готовый на все, согласился.

Надо ли говорить, что в точно назначенное время молодой человек с деньгами был у вышеназванной могилы. Багровое солнце садилось за горизонт, по небу неслись темные тучи, ветер гнул кроны деревьев и свистел между оградками... И тут откуда-то сверху послышался вкрадчивый голос:

– Деньги принес?

Парень поднял голову и опешил. Примерно в двух метрах от земли на ветке старой ивы сидел доктор в костюме-двойке – трусы и лифчик.

– Принес, – растерянно выдавил призывник.

– Давай, – таинственно прошептал доктор. Взяв пакет с деньгами, он коротко скомандовал: – Пошел вон!

Оторопевший Иванов выполнил команду.

На следующее утро, придя в военкомат и пройдя всех врачей, он совершенно спокойно вошел в кабинет медкомиссии. И поэтому для него громом среди ясного неба прозвучало роковое слово председателя: «Годен!».

– Как годен?! – возопил Иванов, пылая праведным гневом и поворачиваясь к психиатру. – За что же вы тогда деньги брали?!

Комиссия вздрогнула и с подозрением повернулась к врачу.

– Когда и где? – с усталой ленцой поинтересовался психиатр, всем своим видом выражая оскорбленную неподкупность.

– Вчера! На кладбище! Вечером! – задохнулся от возмущения призывник.

Врачи задумались и на всякий случай отодвинулись подальше. Психиатр, напротив, подался вперед и, внимательно глядя на него, попросил:

– Вот с этого момента, пожалуйста, поподробней.

– Да вечером, я же говорю! – Иванов уже захлебывался словами. – Солнце почти село! По небу тучи! Везде ветер! И вы, на дереве! В трусах и лифчике!

– Стоп! – скомандовал психиатр и, повернувшись к комиссии, покачал головой. – Ну надо же, коллеги, чуть не пропустили. Сумеречное состояние. Представляете, что он в армии бы натворил?..

...Вдоволь насмеявшись, я дождался-таки открытия благословенного окошка и двинулся в его направлении. Тут же оба прапорщика выскочили мне наперерез. Один из них, потирая руки, спросил:

– Куда это вы собрались, молодой человек? Домой к мамочке? А в армии кто служить будет?

Я молча достал из кармана военкомовское предписание. Прапор развернул бумажку, прочитал, многозначительно хмыкнул и, окинув меня подобревшим взглядом, буркнул:

– Так бы сразу и сказал. – И отступил в сторону.

Задумываться над этим я особенно не стал, а просто поспешил к окошку. Миловидная девушка, мельком глянув в предписание, забрала мой паспорт и выдала заранее подготовленные документы.

С трудом дождавшись следующего дня, я к двум часам, как и было приказано, прибыл к назначенной кассе. Был я один, так как отца своего не помню по причине его раннего развода и отъезда в другой город; мать умерла полгода назад; девушкой, благодаря своей внешности, так и не обзавелся, посему провожать меня было некому. Только соседка, тетя Шура, всплакнула и всунула пакет ватрушек на дорожку. Ну и ладно, долгие проводы – лишние слезы.

У кассы стоял майор, с голубыми просветами на погонах. Когда он повернулся, я увидел на груди обычного зеленого кителя иконостас, состоящий из наградных колодок, завершали все это великолепие две Звезды Героя Советского Союза. С трудом оторвавшись от созерцания наград, я поднял глаза и узнал позавчерашнего заступника. Я подошел к нему, печатая шаг и, как мне показалось, лихо гаркнул:

– Призывник Горлов прибыл по вашему приказанию!

– Чего орешь? – поинтересовался майор. – Кошек распугаешь.

– Каких кошек? – ошалел я.

– А какой призывник? Ты уже солдат! Ладно, ждем остальных и отбываем, можешь покурить.

– Не курю.

– Вот это правильно, – одобрительно кивнул майор, – вот это молодец.

Остальные не заставили себя долго ждать. Двое высоких, крепких, подтянутых парней с очень светлой кожей. Альбиносами они, правда, не были. Но я все равно немного успокоился. В обществе трех бледных и незагорелых мужчин я чувствовал себя вполне комфортно. От размышлений меня оторвал майор, коротко скомандовав:

– Поезд через двадцать пять минут! Путь – четвертый, платформу найдете сами. Билеты у меня на руках, так что не отставать!

И мы радостно затопали за ним, даже не зная, куда идем. На вагоне, к которому мы подошли, было написано «Симферополь – Алма-Ата». Майор поинтересовался:

– По сколько вам дали довольствия?

Мы дружно отозвались:

– По семь рублей!

– Негусто, за четверо суток проедите все. Ну да ладно, резерв у меня есть. Только не вздумайте лазить по вагонам-ресторанам. Вы мне нужны без всяких желудочных расстройств.

Затем, вытащив из кармана четвертной, приказал одному из парней:

– У тебя пятнадцать минут, живо сгоняй в аптеку и возьми сорок штук гематогена¹.

Тот понимающе кивнул и испарился, а я озадаченно глянул на майора.

– Что смотришь? Вот вам второй четвертной, дуйте за минералкой. Берите ящик.

---

¹ Гематоген – сладкая плитка, сделанная на основе бычьей крови, в СССР продавалась во всех аптеках как средство от анемии.

- А где? – растерялся я.
- Он знает.

И мы побежали... Бегаю я хорошо, но парень сразу ушел в отрыв. Слава богу, бежать пришлось только до ресторана. Обрато мы мчались с ящиком наперевес. Мой сослуживец летел впереди, как «Катти Сарк»² на всех парусах. Я с трудом поспевал за ним, то и дело стучаясь коленками о ящик, и с замиранием сердца прислушивался к мелодичному звяканью бутылок.

Как ни странно, к отправлению мы успели. Когда затащили ящик в купе, майор за руку вывел меня в коридор и недовольно сказал:

- Плохо, товарищ солдат! Вам всему надо учиться.
- А почему только мне? – обиделся я, забыв, что старшему по званию не возражают.
- Они лучше бегают, – отрезал майор, словно так и надо.

Я оскорбился:

- Но у меня золотой значок ГТО!

– Особые войска, особые требования. У нас вы должны быть как минимум кандидатом в мастера спорта. Еще немного, и вы меня разочаруете.

Он посмотрел на меня, и я впервые увидел, что глаза у него не просто светлые. Радужки были настолько бледными, что почти сливались с белками. Я поперхнулся. Майор явно хотел что-то сказать, но промолчал. Мы вернулись в купе, и тут поезд тронулся.

– Ну что, вздрогнули! – провозгласил майор и раздал всем по плитке гематогена. Ребята оживились и зашелестели обертками...

...Жрать эту дрянь четыре дня невозможно. И если мои соседи по купе после каждой плитки розовели, то я просто зеленел. С детства не терплю эту приторную гадость, а ватрушки подозрительно быстро закончились. К концу пути один только вид гематогена вызывал тошноту, а майор становился все более и более мрачным. Наконец, он вывел меня в коридор, сунул в руку червонец и сухо обронил:

- Ну если ты такой отважный, пойдн поешь в ресторане.

Даже пересоленная солянка и курица-«марафонец», плавающая в жидком пюре, показались мне райским наслаждением. Так что из ресторана, к удивлению майора, я вернулся полный сил и бодрости.

Наконец путешествие закончилось. Глянув на залитую солнцем степь, я с ужасом подумал о строевых занятиях и неизбежных ожогах на лице. На убогой саманной халупе красовалась гордая надпись: «Коктас». А на том, что с трудом можно было назвать перроном, нас ждал узик с затемненными стеклами. Майор ткнул в него пальцем и скомандовал:

- Залезай!

Населенного пункта около станции не было. Зачем она стоит посреди степи, я так и не понял. Мы просто погрузились, и машина сорвалась с места. Водитель показался мне слегка чокнутым. По мерзкой грунтовке он гнал со скоростью сто километров в час. Трясло так, что зубы с трудом удерживались в челюстях. На особо коварной колдобине нас подбросило с такой силой, что ребята охнули, а я прикусил язык. Невозмутимым оставался только майор. Если бы я только мог предполагать, что эта гонка продлится более четырех часов... Лучше бы я пошел в стройбат.

Откуда взялись строения посреди степи, мы не поняли, но машина лихо затормозила уже в гараже. Без церемоний вытряхнув всех из салона, майор через внутреннюю дверь провел нас в какую-то комнату, где нам велели раздеться и отправили в душ, со строгим приказом экономить воду и не сильно размываться. Из душа мы вышли в предбанник, в котором бравый

---

² «Катти Сарк» – британский чайный клиппер, считается быстрейшим парусным судном конца XIX – начала XX века.

прапорщик выдал нам новую форму. В нее, кроме белья, входили: песочного цвета х/б, достаточно удобные ботинки на высокой шнуровке, широкополая армейская панама, тонкие белые перчатки и огромные темные очки, завершал комплект крем для защиты от ультрафиолетового излучения. После чего мы переоделись и отправились в казарму.

К моему изумлению, казарма состояла из комнат, на пять человек. В нашей комнате уже располагались двое ребят, которые радостно нас приветствовали. Первые два дня мы ничего не делали. Только отдыхали и ходили в столовую. Кормили хорошо, но этот гематоген... Его давали трижды в день, есть я это не мог, выкидывать было жалко, поэтому пока складывал в тумбочку.

Наконец нас вызвали на строевой смотр. Проводили его в сумерках, а когда совсем стемнело, включили прожектора. Мы стояли навытяжку и ждали, что же нам скажут отцы-командиры. Первым вперед вышел наш майор.

– Товарищи бойцы! Через две недели вы примете присягу и, как полноправные члены большой армейской семьи, будете выполнять свой священный долг по защите рубежей нашей родины! Сейчас с вами будет говорить командир нашей части, подполковник Величко!

Майор отступил в сторону, освобождая место для дородного, крепкого мужчины с раскрасневшимся лицом. Планочек у него было заметно меньше, чем у майора, зато огромная фуражка, в простонародье – «аэродром», гордо взлетала тульей вверх, как нос авианосца. Голос у него оказался на диво негромкий и мягкий, но при этом его отчетливо слышали все.

– Товарищи бойцы! Сегодня вы впервые стоите на плацу нашей замечательной части! Вы попали в разведывательный батальон Среднеазиатской дивизии ВДВ! Поэтому жить и работать вам придется в основном в темное время суток. Темнота – лучший друг разведчика!

Ребята в строю понимающе заулыбались, а я наконец сообразил, почему днем почти никого на территории части не видно. А подполковник продолжал вещать. Говорил он долго. Его речь, как белый шум, влетала в мое левое ухо, чтобы тотчас выветриться из правого. Из оцепенения меня вывел резкий голос майора:

– Рота! Равняйся! Смирно! Построение на этом месте через пятнадцать минут! Рядовой Горлов, ко мне! Остальные, разойдись!

Я зашагал к майору, а всех остальных, в том числе и вышестоящее начальство, с плаца как ветром сдуло.

– Товарищ солдат, пройдемте со мной! – сухо приказал майор, и мы двинулись в сторону штаба.

Майор завел меня в кабинет Величко. Подполковник, уже не такой бравый, а скорее уставший, смотрел на нас с майором с немим вопросом. Затем своим мягким и бесконечно усталым голосом спросил:

– Рядовой Горлов, когда вас инициировали?

Я недоуменно пожал плечами, пытаюсь сообразить, что хотят от меня услышать. После минутной паузы подполковник нахмурился, глядел он при этом не на меня, а на майора. Потом отрывисто приказал:

– Можете идти, товарищ солдат!

– Построение через десять минут, – напряженно рассматривая меня, добавил майор.

Закрыв за собой дверь, я невольно прислушался, но, как ни странно, ничего не услышал. На построение майор пришел мрачнее тучи.

– Рядовой Горлов! Выйти из строя! Вы переводитесь во вторую роту, вплоть до особых распоряжений!

Я растерянно оглянулся, ребята сочувственно улыбались.

– Шагом марш за вещами!..

* * *

...Время в учебке прошло как дурной сон. Бегали, прыгали, стреляли, учились фехтовать автоматом, штык-ножом, саперной лопаткой и вообще всем, что попадает под руку. За полгода мы все стали поджарыми и сухими. А те, кто не стал, через санчасть попали в обычную пехоту. Временами казалось, что легче повеситься, чем выдержать такие нагрузки. Но первая рота, в которую я изначально попал, удивляла больше всего. Казалось, что это не люди, а какие-то роботы. Когда мы за полночь, падая с ног от усталости, плелись в казарму, они, бодрые и свежие, бежали очередной марш-бросок. А однажды увиденная отработка рукопашного боя заставила меня замереть с открытым ртом. Это была сплошная карусель из сверкающего металла, рук и ног. Готов поклясться, что я видел, как одному из них проткнули грудь саперной лопаткой. Но, видимо, мне только показалось, так как уже через час я видел его, бодро марширующего на ужин. Жизнь первой роты была нерадостной в нашем понимании, однако хотелось быть похожими на них, но все-таки зависть меня мучила не сильно по одной простой причине – во второй роте гематоген в рацион не входил...

Наконец настал день окончания учебки. Подполковник Величко толкнул такую же патетическую речь, как и в прошлый раз, а в конце добавил, что мы отправляемся выполнять свой интернациональный долг в Афганистан, под командованием готовивших нас командиров...

...Не дав опомниться, нас запихнули в старенький АН-12.

Летает этот птеродактиль, конечно, невысоко – всего три километра, но кабина у него негерметичная, а высоту он набирает за десять минут, поэтому до сих пор удивляюсь, как у меня из ушей не пошла кровь. А первая рота нам на зависть, казалось, не замечала этих неудобств, ребята задумчиво жевали гематоген и попивали минералку.

Наконец, прибыли в Кандагар. Две полуживые роты и одна бодрая и полная сил покинули самолет. Едва мы успели отползти от него, как он опять взлетел. Я с завистью глянул на первую роту, и в голове вспыхнула непрощеная мысль: «А может, им какие-нибудь препараты дают?»

– Вторая рота, становись! – скомандовал наш ротный – капитан Ткаченко.

Капитан Ткаченко Анатолий Иванович – человек неопределенного возраста, с огромной ленинской лысиной и невысоким ростом. Главным его отличием был бараний вес – пятьдесят пять килограммов, но, несмотря на это, он обладал недюжинной силой. Мог, не особо запыхавшись, тащить на плечах двух самых крепких бойцов роты, что лишний раз доказывало – сила не в количестве сала, и бегал он превосходно, однако первая рота умудрялась обогнать и его, относился он к этому философски.

– Равняйся! Смирно! Направо! В санчасть шагом марш!

После посещения санчасти мы на карачках доползли до коек. Количество съеденных таблеток и полученных уколов зашкалило за болевой порог. Первая рота, кто бы сомневался, была уже на месте. Вместо уколов им выдали по две пачки интерферона и по бутылке болгарского гранатового сока.

Устраивая нещадно ноющую от уколов задницу на провисшей панцирной сетке, я с сожалением поглядывал на бывших товарищей – чем я им не угодил? Проходивший мимо капитан Ткаченко, перехватил мой завистливый взгляд и, похлопав меня по плечу, непонятно произнес:

– Не завидуй, живее будешь!

Несколько дней нам дали на акклиматизацию, а потом наступили солдатские будни, и мне не повезло на первом же задании...

...Нас высадили двумя группами с вертолетов посреди виноградников. Наша группа под командованием Ткаченко и ребята из первой роты во главе с майором. Кто не знает, что из себя представляет виноградник на Востоке, объясняю: там нет шпалер, виноград растет и стелется

по специальным стенам, дувалы называются. Нас раскидало между дувалами, капитан и двое солдат оказались на одной стороне, а я с товарищем – на другой. Пришлось лезть через стену. Первым через нее перемахнул мой сослуживец. Когда же я подтянулся наверх, то неожиданно почувствовал тупой обжигающий удар, который буквально сбил меня вниз.

Дышать сразу стало тяжело. В груди свистело, рот наполнился кровью. Уже теряя сознание, услышал голос майора:

– Капитан! Выполняй задание! С твоим жмуром³ разберусь сам!

Я еще успел обидеться – я ведь пока живой. Гаснущим зрением заметил, как майор вытащил из кармана одноразовый шприц и, вскрыв его, ловко вогнал иглу себе в локтевой сгиб.

Перед глазами поплыли красные круги, которые то сужались, то расширялись, потом они слились в ленту Мебиуса, казалось, что она состоит из множества кирпичей, они двигались, скользили друг по другу странным образом, но не рассыпались. Неожиданно лента, совершенно неопишущим рывком, свернулась в туннель, в конце его светился невероятно яркий и в то же время мягкий свет. Мне очень хотелось туда, но тут я ощутил сильную боль в правой щеке, а сияние погасила плотная тусклая мембрана. Я дернулся вперед, чтобы успеть до ее полного уплотнения, но теперь левая щека отозвалась резкой болью, потом опять правая. Постепенно я осознал, что кто-то настойчиво и методично бьет меня по физиономии.

Открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной майора. Прищурившись, он шепотом скомандовал:

– Лежать здесь! Не вставать! Через полчаса мы тебя заберем!

Я вяло подумал о том, что не смогу с боку на бок повернуться, не то что встать, но майора уже не было. Минут через десять меня начала мучить сильная жажда, в то же время перед глазами стояла тумбочка с опрометчиво оставленным в ней гематогеном. Не могу понять, чего хотелось больше – пить или съесть сладкую плитку. Ощущения становились все более острыми и нестерпимыми. Во рту пересохло так, что я готов был прокусить горло любой подвернувшейся под руку твари и глотнуть крови, чтобы хоть слегка смочить язык – прямо какие-то волчьи инстинкты проснулись.

Майор со своими архаровцами появился на десять минут позже, чем обещал, когда я уже был готов землю грызть. С собой они притащили четыре жердины, к двум из которых меня немедленно привязали, закрепили даже голову. Из оставшихся палок и пары курток вышли импровизированные носилки, куда меня и положили. Оставалось только гадать, зачем они меня так надежно скрутили.

Майор деловито приказал двум бойцам:

– До части восемнадцать километров. Доставить в лучшем виде. Сразу в санчасть и переливание крови.

Парни согласно кивнули.

– Вы со мной! – добавил майор оставшимся солдатам. – Группу капитана мы должны вывести. Выполнять! – С последними словами они растворились в темноте.

В ту же секунду носилки взмыли в воздух, и мы полетели. Другого слова для этого бешеного галопа я найти не мог. Звезды над головой сливались в смутные пятна, луна, как ни старалась, не могла нас догнать. А жажда становилась все более нестерпимой. Трясло немилосердно, и я снова потерял сознание. Временами выныривая из забытия, я все более четко ощущал, что мне чего-то хочется, но боялся себе признаться – чего. Мне мерещились капли, ручьи, реки крови... Неожиданно я с ужасом осознал, что готов вцепиться в горло любому – врагу, другу... лишь бы утолить эту неистовую жажду, ощутить на губах вкус живой крови. В кровожадном порыве я пытался освободиться от пут, которые связывали меня, но майор знал свое дело – веревки были надежны, а жердины, хоть и гнулись, но не ломались. В какой-то книжке я читал,

---

³ Жмур (жаргонное) – покойник.

что в Индии Смерть носит красные одежды, тогда я не осознал глубокого смысла, но сейчас понял – эти одежды сотканы из крови, жаль только, никто не удосужился добавить, что она приносит еще и жажду крови. На этой глубокой мысли я отключился окончательно...

...Глаза были закрыты, но слезились от нестерпимо яркого света, жажды и боли не было, во всех членах царило благодушное расслабление и нега. Из этого я сделал утешительный вывод – я наконец умер, сейчас открою глаза и увижу архангела Гавриила, или Михаила, или этого, как его, апостола Петра, черт его знает, кто должен тут встречать новеньких. А вдруг действительно черт?! Хотя нет, в аду, говорят, темно и жарко, а здесь температура была вполне комфортная. Да и вообще, можно ли верить всему, что болтают, ведь из тех, кто эту братию видел, назад никто не возвращался. Ну все, открываю глаза, тем более меня уже окликнули, только почему-то не по божественному, а по-простому:

– Рядовой, проснешься ты или нет? – Дальше прозвучало более настойчивое: – Рядовой Горлов! Откройте глаза! Я же вижу, что вы меня слышите!

Свет слегка потускнел. Я рискнул приоткрыть один глаз и увидел перед собой его...

Это точно был не черт. Надо мной склонился силуэт в белом... с нимбом вокруг головы. Что в таких случаях положено говорить – я не знал, поэтому заплетающимся языком промямлил:

– Здравия желаю, товарищ Бог!

Бог удивленно хмыкнул, потом, расплывшись в улыбке, задумчиво произнес:

– Кому, может, и бог, а тебе – капитан медицинской службы Васильев. С прибытием, товарищ солдат.

От неожиданности я широко открыл оба глаза. Капитан выпрямился, и свет лампочки, находившейся у него за спиной, ослепил меня. Я коротко взвыл, глаза непроизвольно зажмурились, по щекам полились горячие слезы. Капитан пожалел меня и погасил лампу. Я осторожно приподнял веки и неожиданно понял, что прекрасно вижу даже при очень ограниченном освещении. Я попытался стереть влагу с лица и ощутил, что конечности по-прежнему крепко привязаны, правда, теперь не к палкам, а к кровати. Для чего это было нужно, я по-прежнему не понимал, но спросить не успел. Врач уже закрыл за собой дверь.

Чувствовал я себя просто отлично, все во мне бурлило от ощущения какой-то переполняющей меня неведомой силы. Все чувства казались невероятно обостренными, даже когда врач вышел из палаты, я отчетливо слышал и ощущал, как он прошел по коридору, спустился по лестнице и вышел во двор. В палате я был один, в помещении слева лежали три человека. В следующем за ним находились еще трое, но кто это, я понять не мог, по всем признакам должны были быть люди, но ощущались они почему-то как машины.

От такого открытия у меня даже мурашки побежали по коже. Я машинально начал искать доктора. К моему ужасу, он тоже чувствовался мной как машина. А ощущения все обострялись. Внезапно я понял, что на территории госпиталя довольно много живых машин.

Сперва я запаниковал. В голову полезли жуткие мысли, достойные фантастического фильма. А если меня захватили инопланетяне? Хотя нет, всю нашу часть! А эти машины – биороботы! Похоже, только я это понял, поэтому меня и засунули в эту палату и не отвязывают. Они догадались, что я единственный на планете, кто может их разоблачить. Потом я слегка успокоился и пришел к выводу, что если это инопланетяне, то им легче было меня просто убить, а не морочить себе голову. Поэтому мысли пошли по другому пути. Может, это наши ученые что-то новенькое придумали. Ведь, похоже, меня с того света вернули. Вряд ли это под силу обычным врачам.

Тут на улице капитан Васильев окликнул пробежавшего мимо солдата:

– Витя, давай сюда! Сгоняй в первую роту, позови майора Ермоленко! Пусть подойдет в седьмую палату к своему жмуру! Потом слетай во вторую, позови Ткаченко, пусть идет туда же! Если будут сопротивляться, скажи – Батя вызывает!

Я по достоинству оценил юмор врача и представил удивление майора и капитана, когда они увидят меня живого и здорового. Я приготовился к встрече, но вместо этого минут через десять услышал за дверью тихий разговор. Голос врача говорил:

– Трансформация проходит нормально, через три дня можете забирать своего бойца в подразделение, как вы его будете делить, меня не касается.

Следом за этими словами зазвучал низкий, хорошо поставленный бас:

– Майор, тебе что, делать нечего? Тебе лишняя обуза нужна? Его же всему по новой учить надо!

Тут же вмешался голос Ткаченко:

– Между прочим, ты у меня бойца увел! И неплохого! Еще два-три выхода, и он бы асом стал!

Резкий голос майора отрывисто прокаркал:

– Жмуры в разведку не ходят! Они на кладбище лежат! А тебе лишний цинк в роте нужен? Забыл, как их в «Тюльпан» грузят?

– Твои тоже не вечные! – огрызнулся капитан.

– Ничего вечного на земле не бывает! – отпарировал майор. – И вообще, скажи спасибо, что я твою статистику совсем не завалил. Переход в другую роту – все-таки не труп.

О чем они говорят, я не понял, но догадался, что речь обо мне. Опять послышался тихий бас:

– В общем, так, Петя. Голову тебе, конечно, открутить надо за самовольство. Но черт с тобой, прощаю, бери под свою ответственность. Если с ним что-то случится, башку точно оторву. Кстати, до сих пор не могу понять, как ты его в Симферополе не почувствовал?

Голос майора виновато буркнул:

– И на старуху бывает проруха. Думал, только инициирован.

– Ну вот, теперь расплачивайся за свои ошибки. Считай, что свое право на ученика ты реализовал.

Майор недовольно кашлянул, но возражать не стал. Тут возмущенно вмешался мой капитан:

– А мне что прикажете делать?

– Как всегда, прикрывать первую роту, – отозвался бас.

– Но у меня же некомплект! – возопил Ткаченко.

– В первый раз, что ли, – вмешался майор, – вон прошлый призыв почти на сто процентов положил! На подвиги их, понимаешь, потянуло! Вы, люди, в другом хороши. У вас чувство опасности не притупляется.

Дверь скрипнула. Говорившие вошли в палату. Полковник посмотрел на меня и ехидно спросил:

– Ну что солдат, все слышал?

– Никак нет! – с испугу ляпнул я.

– Если все идет как положено, то слышал все, так что хватит придуриваться. После госпиталя бери свои манатки и топай в первую роту. Кстати, где этот подлый кровосос?

– Кто это кровосос? – мрачно поинтересовался военврач. – Уж кто бы говорил. Я, между прочим, кровь переливаю.

– Лучше скажи, где ты ее берешь. С двух рот по четыреста миллилитров с человека выкачал.

– Можно подумать – для себя! – огрызнулся Васильев.

– В таком случае я ее с тебя бы сам высосал, – абсолютно серьезно отозвался полковник, и я почему-то ему поверил. А полковник продолжал: – Ладно, через двенадцать часов отвяжешь.

– А капать продолжай до трех суток, – добавил майор.

– Без вас знаю! – резко отозвался Васильев. – Все-таки легкое в ключья порвало. А на его ремонт крови много идет. Да еще трансформация. И вы тут со своими советами...

– Ты ему хоть катетер поставил? – примирительно поинтересовался майор.

– Блин! Почему все всегда знают лучше, чем лечащий врач?! – взорвался Васильев. – Издеваешься, гад! Да если бы из-под него ведра не сливали, он бы уже давно холодцом растекся!

– Ладно, оставьте бойца в покое, – приказал полковник, – шагом марш в мой кабинет! Да, капитан Васильев, спирт прихватите.

Они вышли из палаты, и я услышал, как врач открыл сейф, потом звякнули бутылки, и печальный голос капитана Ткаченко пробормотал:

– Ну что ж, выпьем за помин души рядового Горлова.

– И за его рождение в новом качестве, – веско припечатал майор.

Тщетно поломав голову над смыслом услышанного, я понял, что устал, и уснул...

...Проснулся я оттого, что ремни, привязывающие меня к кровати, начали дергаться. Открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной капитана Васильева, который снимал мои путы. Рядом с койкой сидел майор Ермоленко.

– Капитан, не спеши отстегивать. Я с ним поговорить должен, а пока неясно, как он отреагирует.

Капитан молча отошел, а майор повернулся ко мне.

– Солдат, я кое-что хочу тебе сказать. Ничего не говори, просто слушай. Первое: как человек ты уже умер и благополучно находишься на том свете почти тридцать шесть часов.

Первое, что пришло мне в голову – срок хранения свежеспеченного торта, как раз тридцать шесть часов.

– Второе вытекает из первого, – продолжил майор, – раз ты не человек, значит, ты кто-то другой. Объясняю популярно. Ты теперь, говоря человеческим языком, вампир. Это совершенно не умаляет твоих качеств, даже наоборот. – Он несколько минут внимательно смотрел на меня, а я на него. Странно, я не только не испугался, но даже не удивился.

– Капитан, – майор удовлетворенно улыбнулся, – как реакция?

– В норме. Ремни даже не натянулись.

– Ну, тогда отвязывай, пусть спит дальше.

Когда они ушли, я свободно откинулся на подушку. В голове назойливо звучала фраза из книги забытого мной писателя-фантаста, что-то про клык графа Цепеша, который Дракула. Под ее монотонное повторение я и уснул...

...Когда я проснулся в очередной раз, в палате никого не было. Пошевелившись, я с удовольствием убедился, что меня таки больше не привязывали. О ранении напоминали только игла капельницы и трубка катетера, уходящая из-под одеяла под кровать. Несколько минут я просто лежал, бездумно глядя в потолок и считая тонкие трещинки, покрывавшие штукатурку. Потом вспомнил недавний разговор с майором и вновь задумался.

Что же он все-таки имел в виду? Чувствовал я себя просто отлично. В жизни я еще не был так полон сил и спокойствия. На живого мертвеца, по моему глубокому убеждению, это никак не тянуло. Может быть, я его не так понял? Хотя разговор за дверью тоже был до сих пор непонятен, не было ясности и в том, каким образом я все это услышал. Какие-то трансформации, мутации, помин души.

Я поскреб рукой грудь и замер. Повязки не было. То есть абсолютно! Под больничной рубашкой, кроме меня, ничего не наблюдалось. Место ранения слабо откликнулось легким зудом... и все. Я судорожно принялся соображать. Сколько же я здесь лежу? Врач сказал, что через трое суток меня можно выписать. А сколько прошло до этого? Майор упоминал тридцать шесть часов, но это просто невозможно!

Стараясь не потревожить капельницу, я аккуратно приподнялся и, осторожно распахнув рубашку, посмотрел на грудь. Ничего особенного. Только чуть ниже правого соска белел маленький круглый шрам. Теперь я вообще перестал понимать, что происходит. Если верить капитану Васильеву, то у меня было полностью разорвано легкое. Значит, операция по его спасению или извлечению, должна была оставить рубцы. А кстати, сколько можно прожить без легкого? Не уверен, что очень долго. К тому же восемнадцать километров по пересеченке, это с какой же скоростью бежали ребята?

Тут меня прошиб холодный пот. Я только сейчас сообразил, что увидел след от пули в темноте. На улице стояла глухая ночь, да и шторы были задернуты. Господи! Что же со мной сделали? Какие технологии и лекарства использовали? А вдруг майор прав и я не человек!

Судорожно ухватившись за грудь, я ощутил знакомый стук сердца, и мне слегка полегчало. Если я правильно помню легенды, то у упырей сердце не бьется. Но как же тогда объяснить все, что произошло? И все-таки, сколько же я здесь провалялся? Черт! И спросить не у кого. Сестру позвать, что ли? Я машинально прислушался и своим новым чутьем уловил тихую беседу. Сестрички были на посту и, пользуясь свободной минуткой, пили чай. Судя по всему, девчонки безумно устали, поэтому тревожить их я не стал. Вместо этого улегся обратно и попытался соединить все кусочки головоломки в единую картину. Ничего не получалось. Любой вариант событий казался бредом. Смущало только воспоминание о дикой жажде, ну и обострившиеся способности тоже. Но допустить то объяснение, которое дал майор, – это казалось полным идиотизмом. Так и не придя ни к какому выводу, я снова уснул...

...Разбудил меня солнечный свет. Молоденькая медсестра откинула шторы с окна. На мою кровать прямые лучи не попадали, но и отраженных хватило с лихвой. Заорав дурным голосом, я набросил одеяло на голову. Сестричка, решив, что я стесняюсь, глупо хихикнула и направилась к выходу. Резко стукнула дверь, кто-то влетел в палату и быстро задернул шторы. Затем голос капитана Васильева грозно рявкнул:

– Машка! Что ты здесь делаешь?! Это что, твоя палата?!

Дрожащий девичий голос пролепетал:

– Меня Клава попросила посмотреть, проснулся или нет.

Я с любопытством выглянул наружу, чтобы глянуть, что же там творится. Увиденное меня настолько поразило, что я немедленно нырнул обратно. Военврач был страшен. Глаза, словно у разгневанного демона, метали молнии. Я замер, предчувствуя неизбежные кары, готовые обрушиться на несчастную девчонку, но услышал совершенно немыслимое.

– Машенька, – неожиданно мягким голосом сказал капитан, – пошла прочь. Клавдию перед обедом ко мне, а ты, боец, вылезай. Уже можно.

Я послушно стащил с головы одеяло. И, хотя плотные шторы были задернуты, при взгляде на окно я все равно ощущал беспокойство и некоторый дискомфорт. Военврач перехватил мой взгляд и, улыбнувшись, подошел ко мне. Присев рядом, он бесцеремонно сдернул одеяло, задрал рубашку и начал ощупывать мою грудь, продолжая свой монолог:

– Судя по тому, как ты выглядишь, солдат, с солнышком ты и раньше не дружил, а теперь тебе его придется очень опасаться, думаю, с полгода гарантированно. И если хочешь, чтобы и дальше все было хорошо, будешь выполнять то, что я тебе сейчас скажу. Твое время – ночь. Месяца через три-четыре – вечер и раннее утро. В это время тебе ничего не грозит. Если возникнет необходимость до истечения полугода выйти днем, то – плотная рубашка с длинным рукавом, брюки, закрытая обувь, на руки тонкие перчатки; темные очки и широкополая

шляпа – вид, конечно, не блестящий, но твое нынешнее состояние к этому обязывает. Дальнейшую информацию получишь от своего командира, кстати, вот и он, легок на помине.

В палату с каменным лицом вошел майор. Он посмотрел на капитана Васильева и сухо спросил:

– Ну что, медицина, как он?

– В полном порядке, – заверил военврач.

– Отлично. Товарищ солдат, сейчас вам принесут новую форму, и шагом марш в расположение роты.

– У него капельница, – напомнил Васильев.

– Капитан, ты же сам сказал, что у него все в порядке. Незачем здоровых бугаев в санчасти держать.

– Майор, – неожиданно спокойно сказал военврач, вставая, – у себя в роте командуй, а здесь я начальник, к тому же, как ты его по солнышку тащить собираешься?

Майор слегка смутился, а Васильев невозмутимо продолжал:

– Так что, выпишу, как обещал, завтра вечером. Ему еще двадцать флаконов осталось. К завтрашнему утру как раз управимся.

– Какие же вы врачи, консерваторы! – буркнул майор.

– Слушай Петро, – устало сказал военврач, – я вымотался, время неурочное, твои все дрыхнут, если тебе так уж нейдет, займись делом – прочти краткую лекцию, а то солдат, похоже, так ничего и не понял. Только коротко, он скоро опять заснет.

С этими словами Васильев ушел. Майор медленно прошелся по палате, зачем-то потрогал штору и только после этого взял стоявший у стола табурет и сел рядом со мной.

– Жили-были дед и баба, – внезапно начал он.

– И была у них курочка Ряба, – не удержался я.

– За знание классики хвалю, – задумчиво отозвался майор, – а за то, что перебиваешь старших по званию, в следующий раз схлопочешь по шее. Не было у них курочки, а был внук – Иван-дурак. И везуха у этого Ивана, была, скажем, хуже некуда. Мало того, что урод, так еще и без родителей остался.

На «уроде» я решил обидеться в следующий раз, уж очень хотелось дослушать сказку. Тем более что, похоже, она меня непосредственно касалась. А майор тем временем продолжал:

– И захотелось нашему Ване родине послужить, ратному делу поучиться. И понесло его в военкомат. И служить бы ему в нестроевой части, из которой комиссовался бы он через пару месяцев, но попался он на глаза майору Ермоленко, которому шибко понравился, а тот взял да и утащил его в свою часть. И опять все бы хорошо, да вот только ошибся майор Ермоленко, и пришлось ему отдать своего протеже капитану Ткаченко. Он, конечно, мужик хороший, но личный состав не бережет – разбрасывается сильно. И опять все бы ничего, да вот снайпер Ване отличный попался на первом же задании. И подстрелили нашего голубка, как куропатку. Причем качественно подстрелили. И пришлось майору исправлять свою ошибку, хотя разрешения на это он не имел. – Тут майор перешел на нормальный язык. – Вот и вкатил я тебе в вену два кубика своей крови. Считай, что подхватил ты от меня очень интересную инфекцию. Что из себя представляет эта кровь, пока тебе знать незачем, главное в том, что она изменяет твой организм, при этом почти моментально восстанавливает любое механическое повреждение, если, конечно, тебя по частям не разбросало на минном поле. И силы у тебя прибавилось, и выносливости, мелочи всякие вроде ночного зрения, отличного слуха и тому подобного упоминать не буду. Так что все хорошо, да только один изъян у нас есть. Солнышко мы не очень любим, а самое главное, для нормальной жизнедеятельности кровь нам нужна, хотя бы раз в месяц. И имя нам одно – вампиры. Только это не то, что в сказках рассказывают. В общем, переваривай информацию, а я в роту пошел. – И, уже открывая дверь, он добавил: – Да, когда мы одни или среди своих, можешь называть меня учителем. Отдыхай, ученик.

Дверь закрылась. Я безучастно смотрел на нее. Вакуум в голове, казалось, вот-вот схлопнет череп. Но где-то была маленькая дырочка, через которую пустота наполнялась даже не знанием, а каким-то глубоким пониманием. Это понимание могло бы, наверное, вызвать бурю эмоций, но я оставался спокоен. Даже малая толика сомнений не закралась в мою голову. Вчерашний страх и недоверие исчезли. Все очень просто, все так, как и должно быть. Удивляло только одно – почему именно я, почему именно сейчас. Но и это удивление сильно не волновало меня. Я внезапно сообразил, что понял и принял свершившееся еще сутки назад, но боялся признаться в этом даже себе. Полностью осознав это, я наконец снова уснул...

– ...Солнце вышло из-за ели,
И вампиры обалдели...

Такой жизнерадостной песенкой разбудил меня поздно ночью военврач.

– Как мы себя чувствуем? – добавил он, увидев, что я открыл глаза.

– Спасибо, хреново! – Слова сорвались с губ раньше, чем я успел сообразить, что говорю.

– Что, серьезно? – сразу насторожился врач.

– Нет, шучу, – смутился я.

– Шутить будешь в роте, – буркнул капитан, вытаскивая из вены иглу.

Я ожидал боли, но было просто неприятно.

– Да сколько же можно? – не удержался я, прижимая к ранке кусочек ватки.

– Сколько нужно, столько и можно! – отрезал врач.

– Товарищ капитан медицинской службы...

Брови капитана приподнялись. Он с интересом смотрел на меня, ожидая продолжения.

А я вдруг растерялся, но все же рискнул:

– Разрешите задать вопрос.

– Задавайте, товарищ гвардии рядовой первой роты отдельного разведывательного батальона ВДВ, – передразнил меня капитан.

– А я... это... точно... ну, то, что сказал товарищ майор, правда?

– Было бы не точно, сейчас летел бы домой в «цинке». Еще вопросы есть?

– Никак нет!

– В таком случае разрешаю еще поспать.

Он вышел, а я, действительно, опять заснул...

...Проснулся я от голода. Нормального, здорового человеческого аппетита. Я задумался. В госпитале была столовая, но я не знал, где она находится, к тому же проклятый катетер все еще торчал из... неприличного места и мешал встать. От нечего делать, я еще раз полюбовался местом, куда попала пуля, потом осмотрел руку, в которой столько дней торчала игла. Синяка, как и дырочки от укола на сгибе, не было.

– Хорош собой любоваться! – Капитан Васильев двигался так бесшумно и быстро, что я не только не услышал, как он подошел к палате, но даже не заметил, когда открылась дверь.

Пока я хлопал глазами, он уже небрежно откинул одеяло и извлек катетер. Впрочем, это было проделано так лихо, что я не успел даже испугаться.

– Ну вот и все, – ехидно произнес военврач, – хватит мочиться под кровать. Туалет в конце коридора.

Почти сразу после его слов скрипнула дверь и вошла медсестра с подносом. Я быстро прикрылся. Но она не обратила на это никакого внимания. Девушка была незнакомая. Впрочем, в госпитале я лежал не только недолго, но еще и все время спал, так что из обслуживающего персонала видел только вчерашнюю Машу. Сестричка тем временем поставила поднос на тумбочку, кокетливо стрельнула глазками и удалилась.

– Солдат, твоя задача – съесть все, что тебе принесли. Как следует отдохнуть. Вставать уже можно, но очень осторожно, шторы не открывать – чревато. Если почувствуешь себя плохо, немедленно вызывай сестру. После захода солнца вон из госпиталя. Ермоленко за тобой придет.

И я остался один на один с подносом, на котором находились два вареных яйца, гречневая каша, густо посыпанная сахаром, стакан кефира, литровая банка гранатового сока и два ломтика ржаного хлеба с маслом. Портила эту красоту только плитка гематогена.

Пока Васильев был в палате, голод вроде отступил. Но как только я остался один и оценил продуктовый набор, желудок просто скрутило. Как ни странно, начал я с гематогена. Вкус был как всегда мерзостный, но смел я его в первую очередь. При этом, к собственному изумлению, получил удовольствие. Запил я его соком, отхлебнув прямо из банки. В желудке заурчало сильнее, как говорится, аппетит приходит во время еды.

Я схватил яйцо и, недолго думая, по привычке, как учила меня мама, тукнул о собственный лоб, за что и был сразу наказан. По лицу потек желток. Яйца оказались всмятку. Я слетел с кровати и метнулся к умывальнику. Вот тут меня и поджидал первый подводный камень. Двигаться было непривычно легко, но в то же время я чуть не упал. Как выяснилось, координация у меня разрушилась полностью. Мозг еще не научился контролировать многократно увеличившуюся силу мышц. На секунду я застыл в нелепой позе, растопырив руки и слегка присев. Но желток вынуждал двигаться. Поэтому я, очень осторожно балансируя, словно канатоходец, маленькими шажками пошел к крану. Как бы то ни было, но до раковины я добрался, ни разу не упав. Умывшись, я аккуратно повернулся и так же медленно направился к кровати. С дальнейшим принятием пищи эксцессов больше не было.

Весь день я ел, отдыхал и заново учился ходить. Обед и ужин мне тоже принесли в палату, но тут все прошло хорошо. Вечером меня в последний раз навестил капитан Васильев. Приказал полностью раздеться и придирчиво осмотрел.

– Здоров, – подытожил он, – даже слишком. И при жизни-то был не слаб, а сейчас просто Геракл какой-то. А ну, подпрыгни.

И я подпрыгнул. Несколько выше, чем обычно, но почти так же, как неделю назад. Приземлился я не очень, но на ногах устоял. Васильев посмотрел на меня разочарованно и буркнул:

– Тренировался-таки. Хвалю. Вот тебе последнее наставление: в течение трех месяцев на солнце не выходить, сверхсилой не злоупотреблять, через месяц явиться на осмотр и переливание крови. Ладно, за тобой уже идут.

Я прислушался и услышал шаги в коридоре. Мало того, я сразу определил, что это Ермоленко и с ним никого нет. Судя по выражению лица Васильева, он это тоже понял и очень удивился.

Войдя в палату, майор небрежно бросил на кровать вещмешок.

– Одевайся, боец.

На этом мое пребывание в госпитале закончилось. И началась новая загадочная жизнь, в которую я шагнул вслед за майором. А она была действительно загадочна и неизведанна, и я даже приблизительно не мог представить, что меня ожидает за порогом...

...Ночь. Первая ночь в моей жизни после смерти. Когда я вышел на улицу, на меня обрушились запахи и звуки, о которых я до сих пор даже не подозревал. Это была симфония вселенной, и я замер, ошеломленный этим открытием. Майор стоял рядом, ожидая, пока схлынет первая волна изумления. Я был благодарен ему за понимание и деликатность. Рядом стоял человек, который знал, чувствовал, видел и слышал, как я, или, наоборот, я был теперь как он.

– Не ожидал? – негромко спросил майор. – Нравится?

– Да! – только и смог выдавить я.

– Хорошо. Но наслаждаться будешь позже. Сейчас тебя ждет Гроссмейстер.

– Кто? – не понял я. – Я в шахматы никогда не играл.

– Гроссмейстер, – терпеливо повторил майор, – Александр Никифорович Промахос, командир и Гроссмейстер наших сил в Афганистане. Он тебя, конечно, два дня назад уже видел. Но протокол должен быть соблюден. Так что быстрее, он ждет.

Я заторопился за Ермоленко и, забывшись, полетел со ступенек. Майор коротко ругнулся, подхватил меня за руку и потащил за собой.

– Товарищ майор, а что это за представление?

– Обычное. Войдешь, представишься, назовешь дату инициации, имя учителя, мое имеется в виду. Потом принесешь присягу...

– Какую? – оторопел я. – Мы уже...

– Это другая! – оборвал меня майор. – Ты, как вампир, должен знать наши законы и выполнять их. Именно в этом ты клянешься перед лицом Гроссмейстера или Магистра той области, где ты собираешься жить.

– Ух ты! Значит, и законы есть?

– У нас, как в Греции, есть все! – оборвал меня наставник. – А теперь закрой рот и не тормози. Батя и так не очень доволен.

– Почему? – приказ молчать я проигнорировал.

– Ну, хотя бы потому, что я инициировал тебя без его разрешения. Более того, я даже не намекнул, что хочу использовать свое право на ученика. Он действительно мог оторвать мне голову и был бы совершенно прав. Но мне повезло, мы очень давно знаем друг друга, но самое главное, у меня было право на инициацию любого человека, которого я сочту подходящим для этого. С его согласия, разумеется. Но с тобой все получилось неожиданно. Я и сам от себя такого не ожидал.

– А если бы у вас не было этого права? – не удержался я.

– Скорее всего, это меня не остановило бы. Я ведь виноват перед тобой. Если бы не я, ты уже бы комиссовался и жил себе спокойно дома. А за ошибки платят.

Он притормозил около штаба. Придирчиво осмотрел меня. Поправил ремень, отряхнул невидимые пылинки, потом удовлетворенно кивнул, и мы вошли в дверь. Уже после представления и принятия присяги, направляясь в казарму, учитель коротко объяснил мне иерархию и способ управления вампирского сообщества. Оказывается, в каждом городе, где есть хоть десяток вампиров, находится Кавалер, или Магистр, который наблюдает за ними и следит за порядком. В крупных городах и столицах республик или областей находятся Гроссмейстеры, а венчает пирамиду Великий Магистр. Вампиры имели жестко централизованное управление, которое было необходимо столь малочисленной группе людей, обладающих к тому же некоторыми сверхспособностями.

Ни один вампир не мог ослушаться своего создателя. Столь же беспрекословно птенцы (молодые вампиры) и их наставники подчинялись Магистрам, Гроссмейстерам и Великому Магистру. Раз в году собирается общий Магистрат. Около шестидесяти вампиров из всех стран мира решают накопившиеся вопросы. Кроме этого, существовала ответственность учителя за ученика. До тех пор, пока создатель официально не проводил церемонии, которая соответствовала дню совершеннолетия у людей, он отвечал за поступки и ошибки своего подопечного собственной жизнью. За самостоятельных вампиров отвечали Магистры и так далее. Все это необыкновенно распалило мое любопытство, но майор только ухмыльнулся и пообещал, что все расскажет. Благо времени у нас теперь даже больше чем надо, а пока посоветовал снова поторопиться, потому что меня уже ждут.

В казарме меня действительно ждали. Я оторопел от такой радостной и теплой встречи. И только потом понял, что можно прожить сто и больше лет и не увидеть ни одного вновь инициированного. Вампиры, на самом деле, не торопились создавать себе подобных, прекрасно

понимая, к каким катастрофическим последствиям это может привести. Право на ученика зарабатывалось долгие годы. Его не спешили реализовывать. Майор, например, получил его около тридцати лет назад.

Но в ту минуту я не знал этого, а просто растерянно озирался по сторонам. Было неопи-сваемо приятно находиться в окружении людей, таких же, как и ты сам. И то, что я альбинос, ничего не значило для них. Впервые за свои восемнадцать с половиной лет я не чувствовал себя изгоем. У меня появилась семья, которая принимала меня, любила и готова была защи-щать от любых бед. Больше никогда я не был одинок. А мой второй отец стоял рядом, и я знал, что он без колебаний отдаст за меня жизнь...

Новелла II

– ...Итак, товарищи курсанты, сегодня темой нашего занятия будет книга Владимира Ильича Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме»...

Монотонный голос преподавателя навевал тоску. На фразе «Книга была написана в тысяча девятьсот двадцатом году...» я отключился. В полудреме я вспоминал ставшую родной роту и майора Ермоленко. Трудно было поверить, что я отслужил уже больше года, а сейчас, как дурак, сижу на занятиях в школе прапорщиков. Сюда я, кстати, попал тоже по вине моего ротного. Невольно вспомнилась одна из бесед, которая предварила мое обучение.

...К этому дню прошло уже около трех месяцев с момента моего перехода в первую роту, и майор впервые вывел меня на солнышко, за пятнадцать минут до заката. Но даже эти слабые лучи вызывали во мне смутное опасение. Однако ротный – вампир со стажем и отлично знает, что делает, поэтому я не спорил...

...Ожидая наступления ночи, мы разлеглись на зеленой травке. Делать было особо нечего, и я задал вопрос:

– Товарищ майор. Ну, насчет наших способностей мне все более-менее ясно. А вот ради интереса, сколько мы можем прожить?

Майор усмехнулся, закинул руки за голову и, прикрыв глаза, начал негромко объяснять:

– В среднем нормальный вампир живет около пятисот лет...

– А потом что, – не удержался я, – надоедает?

– Наглым становится, – майор лениво приоткрыл один глаз, – а ты, похоже, и до ста не дотянешь.

– Почему?

– Потому что уже обнаглел.

Я смолчал.

– Продолжаю, – майор вновь прижмурился, – дело в том, что к пятистам годам притупляются все чувства. За это время ты испытываешь столько всего, что приходит апатия и равнодушие. А это для вампира смерть. Он становится неосторожен и безразличен.

– А этого можно избежать?

– Этого сложно избежать, – задумчиво отозвался майор, – для этого мы вас и учим. Надо очень любить жизнь, искать новые ощущения. Иначе все. Конец! Но чаще всего те, кто понимает, в чем дело, поступают проще. Ложатся в спячку.

– Что? – Я от удивления аж подскочил.

– То! Вздремнет себе вампир лет пятьдесят или больше – и снова как огурчик. Бодр и весел.

– А питание?

– Ну, в летаргии оно ни к чему. Правда, потом, после пробуждения, надо откапаться. И все.

– Прямо спящая царевна! – восхитился я.

– А в каждой сказке есть доля правды, – учитель довольно улыбнулся.

– А вы уже... – я не закончил вопрос.

– Было, – подтвердил майор, – я перед Великой Отечественной около года отоспался.

– А сколько вам лет? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Много, – коротко отозвался он. Потом, поняв, что я не отстану, досадливо продолжил: – В двадцать пятом году я родился.

– Тысяча девятьсот...

– Тысяча восемьсот, – поправил он, – вот и считай.

Несколько минут я молча соображал. Многие вещи в жизни вампиров меня еще удивляли. Но больше всего я изумлялся срокам жизни и манере говорить о возрасте в сто-двести лет, как о чем-то незначительном. А ведь моему наставнику больше тридцати пяти не дашь. Ну, сорок с очень большой натяжкой. А он, выходит, современник Пушкина. Я тут же задал этот вопрос.

– Можно сказать и так, – майор не возражал, – правда, он погиб лет через десять после моего рождения. А так да, век-то один.

– А дальше?

– И что же тебя еще интересует? Инициировали меня в Крымскую кампанию, – продолжил он.

– Какую?

– В первую, разумеется! Тогда все было гораздо сложнее. Кровь приходилось пить. А это малопродуктивно. Потому что подпитка нужна постоянно в течение двух-трех недель. За сутки могло уйти до трех коров или человек.

– Поэтому и на войне, – сообразил я.

– Мысль правильная, но не совсем верная. Безразлично, чью кровь пить, – это тебе не средние века. Тогда – да, считалось правильным пить только людей. Но на войне, даже сейчас, с кровью гораздо проще. Хотя мне повезло, как раз тогда начались опыты по переливанию крови.

– А старше вас есть вампиры?

– Есть.

– На сколько?

– Вот ведь зануда, – майор поскреб щеку, – по-разному. Если брать последний эшелон, то старше двухсот пятидесяти лет не осталось, ну или почти не осталось.

– Почему?

– Люди средних веков не смогли приспособиться. Они оставались неизменными, а мир менялся. Поэтому восемнадцатый век их выкосил. Нам было уже легче. Наступила эра глобальных открытий, наука пошла вперед семимильными шагами. Только успевай узнавать новое. Ну а конец девятнадцатого – начало двадцатого – этому молодняку все в кайф. Они обороты набирают так, что только за хвост успевай ловить.

Я немного подумал:

– Значит, вампиров старше двухсот пятидесяти лет в мире нет?

– Почему? – удивился майор. – Я же сказал: последний эшелон. А есть еще и другие. Те, кого инициировали в начале средневековья, благополучно пережили темные века. Не все, правда, но вполне достаточно. А несколько лет назад, дело было в Ливии, встретился я с ребятами, которые залегли в спячку с приходом христианства.

– Две тысячи лет! – я ошалело вытаращил глаза.

– А что тут такого? Бате, например, две с половиной тысячи, и ничего, а некоторые стали вампирами гораздо раньше.

– А как же...

– К твоему сведению, хоть эти люди не имели телевизоров, но были высоко организованы, имели прекрасную философскую базу и достаточно техногенную цивилизацию. Римлянам, кстати, гораздо легче влиться в наш мир, чем античным грекам. Техники больше было, да и наука была на высоте. Между прочим, что греки, что римляне, в отличие от средневековых европейцев, прекрасно знали, что такое переливание крови. И, кстати сказать, греческие женщины довольно часто работали ламиями на донорских пунктах в античной Элладе.

– Но ведь ламии – это богини подземного мира, проще говоря – вампиры, пьющие кровь. – Я запнулся.

– А мы кто? – хмыкнул майор, потом посмотрел на меня и все-таки принял сидячее положение. – Знаешь что, Ванюша, отправлю-ка я тебя после полного завершения трансформации в школу прапорщиков. Там тебе все подробно объяснят.

– Но вы же мой учитель!

– А я и не отказываюсь. Но есть вещи, которым могут научить только квалифицированные преподаватели. Я ведь сам и школу, и училище прошел. Думаешь, мне все наставник рассказал?

Ответить я не успел. Майор глянул на темное небо и, довольно улыбнувшись, добавил:

– Все, на сегодня лекция окончена. Переходим к физическим упражнениям. Встать! Снять очки!

Я с удовольствием выполнил приказ. Глаза отдыхали. Вечернее солнце, каким бы слабым оно не было, вызывало очень неприятные ощущения. Даже в очках и полностью закрытой одежде...

...Из приятной полудремы меня вывел резкий окрик:

– Курсант Горлов! Встать! Скажите мне, пожалуйста, о чем мы только что говорили?

– О детской болезни левизны! – лихо отрапортовал я, вытягиваясь около стола.

– А подробней?

– О том, что эту книгу написал вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин!

Вампиры, сидящие рядом со мной, захихикали.

– И о чем же в ней написано? – поинтересовался преподаватель. – Вы меня слушали или нет?

– Так точно! Очевидно, в ней говорится о детских инфекционных болезнях, присущих коммунистическому обществу.

Аудитория грохнула от хохота. Преподаватель побагровел.

– Садитесь, курсант Горлов! О вашем недопустимом отношении к занятиям я доложу командиру курса!

Я сел. Очень хотелось его загипнотизировать, чтобы он обо всем забыл и больше не приставал, но в школе был строжайший запрет на такие вещи. Об этом предупредил майор, отправляя меня учиться. Это же было доведено до всей нашей группы в первый день занятий. К тому же большая часть преподавателей были вампирами, так что скрыть столь наглое вмешательство не удалось бы.

Не знаю, какие меры они могли принять, но в том, что об этом немедленно сообщат майору Ермоленко, можно было не сомневаться. А я уже знал, что нарушить прямой приказ создателя не рискнет ни один ученик, если, конечно, хочет жить. Поэтому уже вечером я отбывал первый наряд вне очереди на чистку картошки.

Преподаватель истории КПСС, Андрей Поликарпович, или, как мы его называли за глаза – Полиграфыч, был человеком (не вампиром) с весьма склочным характером. Как любой преподаватель, он считал свой предмет самым главным, поэтому не мог допустить даже мысли, что без истории КПСС можно прожить. Наказать напрямую, как штатский, он нас не мог, но о каждой оплошности докладывал командиру курса. Поговаривали даже, что он умудрялся жаловаться на командиров начальнику школы, поэтому его никто не любил, но трогать боялись, потому что не знали, кому он жалуется на начальника школы.

Конечно, начальнику, как вампиру со стажем, на это было наплевать, но, чтобы не получить очередную «темную лошадку», Полиграфыча держали. Все знали, чего от него можно ожидать, да и курсантов кто-то должен в чувство приводить.

Погруженный в такие мысли, я сидел на лавке и автоматически сдирал шкуру с картошки невероятно тупым ножом. Возмущенная картошка плакала горячими слезами. По крайней мере, мне так казалось.

Потом мысли пошли по более приятному руслу. Завтра очередное переливание крови – процедура приятная и умиротворяющая. Немедленно вспомнилось первое переливание, которое я чуть было не пропустил...

...Спустя месяц после инициации я начал ощущать странную тревогу. Вот уже несколько дней я не мог понять, что со мной творится. Нет, чувствовал я себя хорошо, а к ногам, подворачивающимся в самый неподходящий момент, и другим шуточкам своего обновленного тела я уже начал привыкать. Теперь, вскакивая с кровати, я не врезался в соседа и, открыв глаза в полной темноте, не вздрагивал при виде ребят, спокойно читающих книги, выходил на улицу я только ночью, как и приказал капитан Васильев. Нагрузки мне майор повышал очень медленно, в казарме со мной носились как с писаной торбой, так что никогда я еще не чувствовал себя так хорошо как после смерти. Но вот уже третий день я беспокоился. Это ощущение не было вызвано чем-то конкретным, его невозможно было объяснить, но оно угнетало меня все сильнее.

К концу третьего дня я неожиданно ощутил зуд в груди в том месте, где у меня остался маленький, едва заметный шрам. Как я уже узнал, шрам остался потому, что инициация произошла после ранения. Если бы майор вкатил мне инъекцию хотя бы за пять минут до выстрела, то и следа не осталось бы. Я задумчиво растирал грудь, когда меня вызвал майор Ермоленко.

– Ваня, – задушевно спросил он, – когда ты должен явиться в госпиталь?

И тут я вспомнил распоряжение капитана Васильева. Черт! Совсем забыл. Сегодня был ровно месяц со дня выписки.

– Сегодня, товарищ майор!

– Ну и почему я должен тебе об этом напоминать? Или для тебя приказы старшего по званию ничего не значат? Немедленно отправляйся! Кстати, у выхода тебя ждут еще два бойца. Выполняй!

– Учитель! – не выдержал я. – Ну я же не маленький, на улице темно, сам дойду.

– Дубина ты, – беззлобно усмехнулся Ермоленко, – у них сегодня по расписанию переливание крови. Ну и подстрахуют на всякий случай.

– Меня?

– Нет, окружающих...

...До госпиталя мы добрались благополучно, но я понял, что имел в виду майор. Меня уже, пока не очень сильно, начинала мучить знакомая жажда. Это было неприятно. Все люди, встречавшиеся на пути, аппетитно пахли свежей, живой кровью. Вряд ли я набросился бы на кого-нибудь, но ребята на всякий случай зажали меня между собой, так что я не мог шевельнуться, и в таком виде, словно бутерброд, отконвоировали в госпиталь.

В темной процедурной нас ожидал молодой военврач в белом халате. Я слегка растерялся. Почему-то я ожидал увидеть капитана Васильева.

– Лейтенант Кравченко, – тем временем представился тот, – рассаживайтесь по креслам. А вы, рядовой Горлов, подойдите ко мне.

Я приблизился, и врач принялся осматривать меня. Удовлетворившись результатом, он приказал:

– Застегнитесь, закатайте рукав и садитесь.

Все было давно готово. Ребята, пришедшие со мной, уже ждали. Как только я занял свое место, лейтенант быстро подключил капельницы и спокойно ушел. Почти сразу жажда исчезла, по телу разлилось тепло. Я сам не заметил, как уснул...

...От воспоминаний меня отвлек не в меру веселый гогот. Залетчики коротали время за травлей анекдотов под картошку. Из десятка наказанных вампиров было трое, вместе со мной. И если я еще смеялся, то мои товарищи по цеху только вежливо улыбались. Эти анекдоты они

за свою жизнь слышали не один десяток раз. А рассказывать свои мы не спешили. Как я успел убедиться, юмор у вампиров весьма своеобразный, как и у врачей.

Картошка кончилась. Люди еще немного поржали и, зевая, разбрелись по своим казармам. А мы пошли на отработку рукопашки. Вот это мне положительно нравилось. Вампирский рукопашный бой сильно отличается от человеческого. Приемами он небогат, ставка делается на скорость, силу и неуязвимость. Хотя надо отдать людям должное – среди них изредка попадаются индивидуумы, которые при правильной подготовке могут какое-то время выстоять и против вампира. Правда, конечно, шансы все равно не равны.

Слава богу, что сейчас почти отказались от холодного оружия. Потому что если разрубить вампира на несколько частей или отсечь голову, то он все-таки умрет. Способности к регенерации не беспредельны. Из каждой части тела вырастить нового вампира нельзя. Вот пулевые ранения – другое дело. Любой металл в нашем теле растворяется. И уже через несколько часов от ранения не остается даже шрамов. Исключения составляют серебро и благородные металлы: золото, платина, иридий.

Утром, отправляясь на занятия, я отметил зевающих товарищей по несчастью (людей), а мы были бодры и свежи. К тому же нас грела мысль, что в одиннадцать часов нашу учебную роту, как всегда, загонят на спецкурс. Помещение спецкурса располагалось в специально оборудованном подвале, на мощной двери которого красовался желтый треугольник радиационной опасности.

Никто, кроме вампиров, не знал, что там. И по школе ходили глупые слухи, что первую роту готовят к военным действиям в зоне прямого ядерного удара. Так сказать, вырабатывают иммунитет. Поэтому нас слегка сторонились и опасались. Некоторые злые языки даже утверждали, что по ночам мы светимся. На самом деле в подвале находились койки, на которых все обучающиеся и преподающие в школе вампиры отсыпались с одиннадцати до четырнадцати ноль-ноль.

Преподаватели вообще-то спали гораздо меньше, около часа. Отдыхали они в выходные.

В соседнем помещении находились станция переливания крови и лаборатория. Сюда каждый из нас попадал раз в неделю, по утвержденному начальником школы графику. Можно было и реже, но из-за огромных нагрузок мы считали, что рисковать не стоит. Сегодня я должен был пройти свои процедуры, и мое прекрасное настроение не мог испортить даже Полиграфыч, который стоял в расписании первой парой.

Обладая качествами отпетого садиста, он тут же вызвал меня к доске и попросил изложить весь объем знаний, усвоенных на прошлом занятии. Теперь уже на моем лице отобразилась мерзкая ухмылка, и я без запинки отбарабанил весь параграф. Благо память вампира позволяла запомнить при желании любой текст с первого раза. Потом я с нескрываемым ехидством поинтересовался у преподавателя, не нужно ли ответить так же и всю работу Ленина, которую мы вчера изучали.

К чести Полиграфыча, он смог удержать на лице безразличное выражение, хотя я остро ощущал его недоумение и раздражение. Но он только сухо проронил:

– Садитесь, Горлов, удовлетворительно.

Аудитория глухо загудела. Полиграфыч снизошел до объяснения:

– Товарищи курсанты, от вас требуется не слепое зазубривание, а умение делать выводы на основе предлагаемого материала...

...Пары по истории стояли после тихого часа. Нашей истории, а не человеческой. Вот это было действительно интересно. Как выяснилось, она началась до десятого тысячелетия до нашей эры, а описывать ее начали с момента изобретения письменности. До этого все передавалось в преданиях.

К моему огромному изумлению, в процессе изучения этого предмета выяснилось, что наши уфологии правы – пришельцы на Земле таки были, правда, очень давно. Кто они, откуда пришли и куда ушли – никому не ведомо, но после их посещения остались материальные доказательства, то бишь мы. Естественно, сообщать поклонникам инопланетян столь ошеломительную новость мы не собираемся, тогда нас точно по частям разберут.

Не знаю, зачем пришельцам была нужна Земля? Как базу они ее использовать не могли, равно как и дышать нашим воздухом, а также с большим трудом выдерживали земное тяготение. Но, видимо, им действительно что-то здесь было необходимо, поэтому они начали использовать для нужных им работ подручный материал, то есть людей. Пришельцы быстро выяснили, что люди – существа уязвимые, а главное, короткоживущие, и они слегка подкорректировали тех, кого использовали на свое усмотрение, благо исходного материала было много. Некоторые суеверия и особенности собственного организма подсказали лежащую на поверхности идею. Воплотили они ее отлично, только не просчитали того, что эта модернизация может передаваться от особи к особи, как инфекция, а может, и считать не хотели. Они воспринимали нас как более-менее разумных животных и даже не допускали мысли, что мы сможем найти способ размножаться. Потом, бросив нас как отработанный материал, они улетели, а может быть, погибли и более никогда не появлялись...

...Далее, на протяжении многих веков, вампиры были кем угодно. От величайших героев Древней Эллады до подонков инквизиторов, спаливших на кострах пол-Европы. Но никогда и нигде вампиры так открыто не захватывали власть, как в Южной Америке. Их кровавые оргии продолжались вплоть до прихода конкистадоров. М-да. Что может быть более благородно, чем поддерживать жизнь и силы Солнца, тем более что все индейцы понимали важность этого ритуала. Но размах жертвоприношений превосходил все разумные пределы.

Кстати, среди конкистадоров тоже были вампиры. Но даже их шокировало то, что они увидели в великолепных городах ацтеков и инков. А испанцы, пусть и закаленные ужасами инквизиции, просто впали в ступор. Поэтому вампиры помогли Кортесу и Писаро уничтожить этот рассадник.

Наконец мне стало понятно, каким образом два отряда, не превышающие в общей сложности около шестисот человек, смогли стереть с лица Земли эту великую и кровавую цивилизацию. Ну и, конечно, нельзя скидывать со счетов то, что местные племена с охотой предоставляли европейцам кров, еду, проводников и воинов. Лишь бы больше никто из них не поднимался, выкрашенный в синий цвет, по залитым кровью ступеням пирамид...

...Сейчас нас не слишком много. На десять тысяч человек приходится один вампир. Живем преимущественно в больших городах с хорошо развитой инфраструктурой. В деревнях и отдаленных районах нас практически нет. Разве что особо заикленные на природе, готовые ради этого пить кровь коров, свиней или ездить раз в месяц в ближайший город на донорский пункт переливания крови.

И если вам рассказывают о нападении вампира на человека, не верьте. Сейчас не средние века, клыки никто не отращивает, да и вообще, если такое случится, тела жертвы никто не найдет. Так что чаще всего это выживший из ума маньяк, но никак не вампир. По счастью среди вампиров не встречаются психические заболевания.

Выходя с лекции, я чувствовал, что голова гудит от вопросов, но задавать их было некогда, так как, помимо истории КПСС и нашей истории, нам давали еще уйму по-настоящему интересных и полезных вещей. Кроме рукопашного боя мы изучали тактику, минное дело, обучались использованию любого существующего транспорта и оружия (от велосипеда до самолета и от ножа до баллистической ракеты), также нам давали медицину, физиологию, выживание и спецкурс по разведделу. В общем, будь мы обычными людьми, тратящими на сон восемь часов, то никогда не осилили бы этот объем. Так что ответы на все вопросы приходилось искать

в книгах, которые находились в специальной секции библиотеки, или задавать вопросы преподавателям в свободное от учебы время.

У нас, как и всех курсантов, в расписании значилось время на самоподготовку до ужина. Но, естественно, эти четыре часа тратить на учебу никто не собирался. Это время мы использовали для самоволок. Сходить в самоволку для вампира – долг, попасться – вечный позор, но, к счастью, город – это не школа, на него большинство запретов не распространялось, поэтому мы всю пользовались возможностью отводить глаза и другими специфическими талантами...

...Как-то раз у нас был случай. Один из наших парней так увлекся беседой с симпатичной девчонкой, что не заметил появления патруля. Точнее – не обратил внимания, надеясь, что и на него тоже не обратят внимания. Но не повезло. Пришлось спасаться бегством. А так как на улице было полно народа, то бежать в полную силу он не мог. Поэтому, когда его загнали в угол, он был вынужден просто перепрыгнуть через командира патруля. Солдаты во главе с капитаном так и не поняли, куда делся нарушитель. Зато все прекрасно понял наш командир курса, и провинившийся целую неделю чистил картошку. Не столько за нарушение, сколько за то, что засветился.

После ужина и отбоя нас опять брали в оборот. Рукопашка – предмет ценный. Занимались мы, естественно, друг против друга, чего никогда не встречается в жизни – нас настолько мало, что мы не можем позволить себе роскошь убивать друг друга. Мы вообще редко можем позволить себе убивать. Наша задача на войне брать живьем, причем желательно без телесных повреждений. Или добывать информацию и нужные документы таким образом, чтобы никто не заподозрил, что их кто-то добыл. Убивать же себе подобных могут только люди. Их много. Так что рукопашный бой у нас выглядит весьма странно. Мы должны спеленать противника, да так ловко, чтобы он и мявкнуть не успел.

Поначалу я все время был жертвой. Играл роль человека – даже обидно как-то. Однажды меня завязали собственными руками и ногами и сунули в рот вместо кляпа мой же сапог. Надо отдать должное, пеленал меня ас – когда я был развязан, ни одна конечность даже не затекла. С приходом опыта я перестал быть манекеном и начал наравне со всеми отрабатывать приемы. А однажды ночью, когда за очередной залет нас отправили чистить картошку, мы, договорившись с другими штрафниками (людьми), смылись в самоволку. Весь кайф испортила группа каких-то хулиганов. Их было много, а нас всего четверо. В общем, когда менты приехали, ребята сидели, обнявшись со столбами, и горько плакали от бессилия и злости. Есть такой способ привязывания клиента к столбу собственными ногами, если столб гладкий – подняться практически невозможно. Хулиганам не повезло, в центре все столбы были из гладких металлических труб. Весь остаток ночи милиционеры, тихо матерясь, отвязывали незадачливых дебоширов и складывали их в «воронки». Благодаря этой выходке вся следующая неделя была посвящена картошке.

Но учеба состояла не только из праздников. Полиграфыч завершил курс истории и перешел к научному атеизму. С тоски можно было сдохнуть. Выслушивать лекцию о том, что нет того, чего действительно нет и быть не может, просто невозможно. Поэтому, чтобы позлить Полиграфыча, по окончании лекции весь курс, выходя из кабинета, крестился на доску. Полиграфыч был в ярости, но на всех картошки и половых ведер не хватало.

А вот ночную физическую нагрузку нам урезали и ввели новый курс. Назывался он «Физиология вампиров». Рассказывать об этом подробно будет просто неинтересно для непосвященных. Но для нас, вплоть с самой первой лекции, это было не только познавательно и полезно, но и очень интересно...

– ...С сегодняшнего дня мы начинаем новый курс, – сообщил преподаватель, – вы должны знать не только физиологию, но и причинно-следственные связи жизнедеятельности нашего организма, и вводная лекция будет на тему «Мифы и правда о вампирах».

Я оживился. Начало было интересным. Кое-что я, конечно, уже знал на собственном опыте, кое-что успел рассказать майор, а с некоторыми подробностями меня познакомили сослуживцы. Правда, ротный не мог рассказать всего, а решив отправить меня учиться, о многом только упоминал, поясняя, что это дадут в школе. Судя по легкому шепоту, пролетевшему по аудитории, заинтересовались все. Даже те, кто был инициирован не год назад, как я. Я вообще оказался на всю школу самым молодым вампиром. Как, впрочем, и на весь наш военный округ. Даже бойцы, с которыми я начинал службу, были как минимум лет на пятнадцать старше меня.

– Итак, начнем с самого распространенного мифа. Вампир – это оживший мертвец. Что-либо более глупое и страшное и придумать-то сложно. Вера в загробную жизнь и, соответственно, уверенность в том, что с того света можно вернуться, испортила психику многих сотен тысяч людей. Вероятно, когда эта легенда родилась и укрепилась в их умах, наши создатели уже покинули Землю и оставшиеся вампиры были вынуждены перейти на прямое питание. Получив столь явное подтверждение своей не в меру разыгравшейся фантазии, человек легко додумал остальное. Хотя в этой версии есть доля правды – мы не являемся полностью живыми существами, в понимании людей, разумеется.

– Разрешите вопрос? – вякнул я.

– Да, курсант Горлов.

– Но мы дышим, питаемся, двигаемся, думаем, на худой конец, сердце работает, как и остальные органы. Разве все это не является признаками жизнедеятельности?

– Насос, заставляющий кровь двигаться по артериям и венам, еще не показатель жизни. Мозговая активность – более верный показатель, но известно много жизненных форм, достаточно высокоорганизованных, которые не имеют мозга как такового.

– И однако, – возразил я, – вы сами назвали эти формы живыми. Я могу согласиться, что они неразумны, но они живут.

– Мыслительный процесс... – преподаватель коротко хмыкнул, – это, конечно, показатель разума, но не жизни. Еще в первой трети нашего века начались разработки вычислительных машин, способных его воссоздать.

– Так кто же или, точнее, что же мы такое? Машины, что ли?!

– Не совсем. Что отличает любую живую клетку от неживой? Неважно, разумная особь или нет. – Преподаватель задумчиво прошелся по аудитории и сам ответил на свой вопрос: – Самое главное – способность к воспроизведению себе подобной. Мы такой способности лишены.

Я слегка оторопел. Вообще-то я еще не задумывался о детях, но известие о том, что это невозможно, ошеломило меня. Пока я соображал, хорошо это или плохо, учитель продолжал:

– Жизнь основана на живой самовоспроизводящейся клетке. И если наши клетки и не умерли в полном смысле этого слова, то способность к делению и воспроизведению они утратили. Это расплата за долгую жизнь, увеличившуюся силу, быструю регенерацию, ночное зрение и так далее. Вампир существует неограниченно долгое время с одним набором клеток, а именно с тем, который был у него на момент инициации. Исключение составляют клетки, которые несли информацию о болезнях, были поражены какими-нибудь вирусами или бактериями. Эти клетки уничтожаются, и на их месте воспроизводятся точно такие же, но уже без повреждений. Таким образом наш организм очищается и омолаживается. Независимо от возраста инициации наше тело постепенно подтягивается к состоянию и биологическому возрасту, в котором оно может наиболее полно и бесперебойно функционировать. Так, человек, ставший вампиром в зрелом возрасте, будет подтянут до биологического состояния, примерно соответствующего сорока – сорока пяти годам. Внешность и внутренние возможности постепенно уравновесятся, и в таком состоянии он и останется. Вы же в течение пятидесяти – ста

лет достигнете внешнего и внутреннего соответствия тридцатилетних мужчин. Поскольку это самый продуктивный возраст, то он и будет вашим оптимальным порогом.

– То есть, – подал голос мой сосед, – мы вроде как законсервируемся?

– Суть уловлена точно, – одобительно кивнул преподаватель. – Продолжим. На истории вам уже говорили, что своим существованием мы обязаны инопланетянам. Сейчас я более подробно объясню вам, что они сделали для того, чтобы это стало возможно. Так вот, ими были разработаны и введены в нашу кровь биологические механизмы. Если следовать самой современной терминологии, принятой на Западе, назовем их нанороботами⁴ или просто – наннами. Наны запрограммированы так, что в первую очередь воспроизводят самих себя до уровня необходимого, чтобы поддерживать организм вампира. Собирают они себя из эритроцитов. И поэтому находятся в каждом участке нашего тела, куда дотягиваются кровеносные сосуды. Во вторую очередь наны работают на поддержание нашего организма в рабочем состоянии. При разрушении любой клетки тела или механическом повреждении они моментально ее восстанавливают. Если необходимо, воссоздают ее заново, но это та же самая клетка, данные о которой наны получают из анализа нашего ДНК. Так что мы очень быстро приходим в норму практически при любом поражении. Но за все надо платить. Так вот если первая часть оплаты – это невозможность иметь потомство, то вторая – постоянная потребность в крови. Благодаря ежедневным ремонтным работам расходуется большое количество энергии. Часть нанов неизбежно гибнет и разрушается. Печень и костный мозг при сильных поражениях тела не справляются с быстрой выработкой нужного количества эритроцитов. Поэтому кровь необходимо получать извне. Идеальный способ восстановления – это переливание. Но после того, как наши создатели нас покинули, и до момента изобретения шприца приходилось принимать кровь внутрь. Способ малоэффективный, за одни сутки надо было выпить не менее десяти литров крови, и так каждый день при условии, что нагрузка постоянная и на пределе выносливости. При этом совершенно не имеет значения, чью кровь пить: человек, животное – безразлично. Это просто источник гемоглобина, помогающий восстановлению эритроцитов. Это единственные клетки в нашем организме, которые все время обновляются. Кстати, предупреждаю: в обычную лабораторию анализ вашей крови не должен попасть ни при каких обстоятельствах. И еще: на гражданке мы все официально страдаем анемией, в этом случае ни у кого не возникает вопросов, почему мы раз в месяц делаем переливание.

Следующий миф – полеты. Те, кто подробно пытались описать превращение человека в летучую мышь, совершенно не знали физики – что обычной, что ядерной. Дефект массы между вампиром и мышью слишком велик. И даже если мы эту массу все-таки сбросим, то сразу возникает следующий вопрос: откуда ее взять при обратном превращении? Энергии при этом нужно затратить столько, что и Ключевскую сопку одним махом погасить можно...

Я не удержался и тихонько хмыкнул. Размах энергетического выброса впечатлял – один из самых мощных вулканов Земли, который практически никогда не спит. К тому же мысль о мышах меня совершенно не вдохновляла. И морды у них страшные, и питаться придется только насекомыми, а я с этим коренным образом не согласен, предпочитаю ростбиф с кровью, на худой конец – кровяную колбасу (хотя в ней больше крупы, чем крови, да и пережаренная она). А преподаватель продолжал:

– Третий миф – клыки. Посмотрите на себя, у вас их нет. Но у средневековых вампиров были. Этот пример обращает внимание на еще одну нашу особенность. Наны могут частично адаптировать вампирский организм к роду занятий и условиям окружающей среды. Наше тело

---

⁴ Нанороботы (наны) – одна из самых прогрессивных разработок современной науки – микроминиатюризация программируемых механизмов, предназначенных выполнять заданные задачи. Природный аналог нанороботов – молекула РНК (рибонуклеиновая кислота). Программой для нее служит молекула ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота). Более подробно можно обо всем этом узнать в биологии за одиннадцатый класс. Первые попытки разработки нанотехнологий начались еще в середине прошлого века. У пришельцев, судя по всему, эти технологии были развиты гораздо лучше, чем у нас.

подходит ко всем видам работ, которые может выполнять человек. Но если вы будете каждый день грызть кому-нибудь горло, то вырастут клыки, а если не будете вылезать из воды, то получите между пальцами перепонки, а возможно, и жабры в придачу. Правда, такого опыта никто не проводил. Из этого вытекает следующий вывод – не стоит злоупотреблять экстремальным времяпрепровождением.

Четвертый миф – боязнь солнца. Кое-что в нем верно. Как вы знаете на собственном опыте, первые два-три месяца, когда идет перестройка организма, наша кожа полностью теряет защитный пигмент, который защищает ее от ультрафиолета. То же самое происходит с глазами. Поэтому даже при минимальном освещении вы рискуете получить обширные ожоги. А полуденное солнце может привести к летальному исходу. Чуть позже пигмент частично восстанавливается, но в недостаточном количестве, и самое главное, он не вырабатывается при нахождении на солнце. Именно поэтому мы не загораем. Это, конечно, не очень приятно, но не смертельно.

Миф пятый – серебряные пули. Это действительно опасно. Обычные пули в нашем теле просто растворяются. Благодаря нанам это происходит достаточно быстро. Но серебро является антисептиком и убивает микроорганизмы, и наны, к слову сказать, не являются исключением. Поэтому серебро остается в ране. Это весьма болезненно, а если пуль много, то это приводит к затруднению двигательных функций и к смерти, если их вовремя не извлечь. Есть, кстати, еще один неприятный вариант – благородные металлы. Золото, иридий, платина. Эти металлы инертны и ничем не растворяются. Большое количество любого из этих металлов в организме затрудняет его работу и восстановление, что тоже может привести к летальному исходу. К счастью, никому не пришлось в голову тратить бешеные деньги на изготовление столь дорогих пуль.

Миф шестой – кол в сердце. Вообще-то я бы с удовольствием посмотрел на любого из этих мудрецов, после того как им в грудь вколотят палку. Тут уж безразлично, вампир ты или человек. Но есть некоторое отличие. Человек от такой процедуры, независимо от материала, гибнет на все сто процентов, вампир – не всегда. Кол должен быть действительно деревянным. Железный, как я говорил выше, растворится почти сразу, ну еще минут пять уйдет на регенерацию сердца. А вот для дерева, поскольку это органика, нужно время, притом достаточно длительное. Поэтому если кол был массивным и его вовремя не извлекли из тела, то да, вампир умрет.

Теперь рассмотрим эти и другие, менее распространенные суеверия более подробно...

...Это было тоже интересно, но слишком специфично, а потому не очень понятно. Разобрался я во всем гораздо позже, а пока усвоил главное: ограничение в питании и тщательнейшее соблюдение гигиенических норм.

Стали понятны истоки немереного размножения и такой же смертности вампиров в средние века. Они просто вымирали от грязи, отравлений и инфекций, стараясь при этом любыми способами восполнить свои потери. И если чума им была не страшна, то оспа и грипп косили их сотнями, особенно молодых. Кстати, некоторые необразованные или насмотревшиеся глупых американских фильмов (что, между прочим, одно и то же) граждане думают, что зараза к вампирам не пристает. Очень даже пристает. А так как мы более живучи, то и мучиться приходится дольше. В истории известен случай, когда вампир подцепил сибирскую язву и прожил с ней двадцать лет – представляете, на что он стал похож?.. Вот так и рождаются сказки про живых мертвецов. Как ни странно, но спасением для вампиров стали монастыри. Некоторые из них были полностью основаны ими. Туда собирались те, кто осознал, как губительна для нас теснота и грязь. Эти обитатели отличались строгим уставом, прекрасными угождениями и стадами, братья имели отдельные кельи, ежедневно мылись и ради спасения не только души, но и жизни были согласны отмахиваться от мух крестным знаменем.

Именно в этих монастырях начали собираться новые библиотеки. Епископы поощряли тягу монахов к изучению естественных наук, медицины, сбору утерянных знаний. И именно отсюда в мир вышли первые истинные инквизиторы. Их было около полусотни. В их задачу входило обнаружение и уничтожение своих соплеменников, которые к тому моменту совсем обнаглели и охотились иной раз среди бела дня. Великие магистры объявили на озверевших вампиров Охоту – никому не хотелось из-за горстки недоумков получить кол в сердце. К сожалению, идею подхватили люди. А так как они просто не представляли, с кем должны бороться, плюс невежество и суеверия, то и запылала по всей Европе костры, на которых во имя человека, который учил любви и миру, тысячами горели ни в чем не повинные жертвы. Ведь настоящие виновники этого безобразия почти никогда не попадали в руки человеческого правосудия. Это еще больше сократило население и заставило уцелевших вампиров соблюдать жесточайшую дисциплину и осторожность...

...Наконец обучение в школе закончилось. Как и два года назад, мы вновь стояли на плацу. Но теперь на нас была парадная форма и погоны с новенькими звездочками. Все формальности были завершены, и прозвучала долгожданная команда:

– Училище! Равняйся! Смирно! К торжественному маршу, дистанция десять шагов, первая рота прямо, остальные напра-во! Шагом марш!

Грянул марш «Прощание славянки», и коробки выпускников последний раз двинулись по плацу школы мимо трибуны с почетными гостями. Возле трибун звучала команда: «И раз!» – все мы, вытягиваясь в струнку, поворачивали голову в сторону начальства. На трибуне находились и люди, и вампиры. Я был очень удивлен, когда в этой толпе увидел Батю, который стоял рядом с моим учителем. На торжественную часть он явно опоздал и появился только сейчас. Я обратил внимание на то, что все школьные вампиры невольно напряглись. Почти никто и никогда на людях не видел двух Гроссмейстеров одновременно. А сегодня этот необычный случай был налицо.

Ну, присутствие Гроссмейстера Болграда было понятно. Нас ему представили в первый же день учебы, и на выпуск он тоже должен был явиться. Но появления Гроссмейстера ограниченного контингента советских войск в Афганистане явно никто не ждал. Объяснением этому не могло служить даже то, что добрая половина нашей учебной роты была из Афгана.

С плаца мы прошли в казармы, где и получили приказ разойтись. И уже через несколько минут туда же подтянулись все – гости, семьи и сослуживцы. Около нашей казармы оживление было несколько меньше, чем у других. Сказывалось отсутствие родни. После поздравлений и радостных рукопожатий я как можно более незаметно, чтобы не обижать ребят, постарался выбраться из толпы. Почему-то учитель еще не появился, и мне стало очень обидно и неуютно, но тут я увидел, что ко мне пробирается майор. Я сразу повеселел. За ним, как это ни странно выглядело, бодрым шагом шел Батя. Мы обнялись с учителем, а полковник крепко пожал мне руку.

– Хорош! – весело подвел итог Батя, майор довольно улыбнулся.

Я же терялся в догадках, чем же привлек внимание столь высокой персоны.

– Так, родственнички! Облобызались, и хватит! У нас еще куча дел! В том числе и банкет у местного Гроссмейстера! – посмеиваясь, объявил полковник, отпуская мою руку.

Я оторопел еще больше. Батя посмотрел на мое озадаченное лицо и снова улыбнулся:

– Ладно, не буду томить, солдат! Точнее, прапорщик. Я в свое время инициировал твоего учителя. Так что ты мне вроде как внук.

Как оказалось, вампиры сохраняют преданность учителю практически всю свою или его жизнь. Надо очень постараться, чтобы узы, связывающие их, были разорваны. Следовательно, при желании можно проследить всю цепочку, кто кого породил и в каком колене, тем более что учитель отвечает за своего ученика пожизненно.

Вот на такой оптимистической ноте закончилось мое начальное обучение вампирским премудростям...

Новелла III

...Служба шла своим чередом. Но прапорщиком служить гораздо приятнее хотя бы потому, что не приходилось спать в общей казарме, да и прав было прилично больше, чем у рядового состава, однако прибавилось и обязанностей, а ответственность навалилась не меньше чем у ротного. По прибытии на меня навесили должность начальника разведгруппы, а заодно из-за отсутствия лейтенанта – командира взвода. И если первая должность мне нравилась, то вторая... это просто форменное издевательство. Самое противное в ней то, что во взводе целых тридцать человек, извиняюсь, вампиров. И все они старше меня минимум лет на двадцать. Это создавало известные трудности. У них был богатый жизненный опыт, знания, умения и способности, которые мне еще только предстояло развить. Но у меня в наличии имелись: напористость, ум, нестандартное мышление, ну и майор в самом крайнем случае. Обратиться за помощью к дедушке за все время службы, по счастью, не понадобилось.

Кстати, здесь нарисовалась еще одна проблема. После первой же тренировки, после возвращения из школы, майор, злой как черт, поинтересовался, что это за балет я показал вместо рукопашного боя и где меня этому учили. Поскольку он, насколько помнится, ничего такого мне не показывал. Я смущенно признался, что именно это нам преподавали в школе. Учитель схватился за голову и помчался к полковнику с требованием немедленно звонить в Болград и заставить сменить там рукопашника, поскольку этот явно засиделся в тихом месте.

Теперь я принимал активное участие в серьезных операциях. На выходы ходили тремя группами. Две – вампиры и одна – люди. Мы шли скрытно, страхуя друг друга. Наша задача брать живьем. Погибший язык считался провалом задания. Все, что мы делали, не должно было вызывать ни единого подозрительного взгляда.

Убивать – задача людей. В общем-то они и нужны, чтобы отвлекать на себя внимание противника. Чтобы мы не расплылись на ненужные боевые действия. К слову сказать, если людям не везло, как мне в моем первом выходе, одна из наших групп по окончании задания выводила ребят из-под огня.

После возвращения люди немедленно отправлялись в столовую пить спиртное и есть мясо, а вампиры – в санчасть на переливание крови, а затем – тоже в столовую. А потом – на целый день отсыпаться. Но мне и в этом не везло. Из-за дурацких отчетов я спал гораздо меньше остальных. Каждую бумажку я составлял не меньше суток, а учитель и не думал мне помогать. Под конец я заподозрил его в ярко выраженных садистских наклонностях. Такие мысли все чаще приходили мне в голову, когда, глядя на то, как я мучаюсь, майор только тихонько посмеивался и с нескрываемым удовольствием правил мои отчеты.

– Правильно составленная бумага, – приговаривал он при этом, – страшная сила. Любая запятая смысл имеет. Мультик про «Страну невыученных уроков» помнишь? То-то. И вообще, бери пример с лейтенанта Каркаладзе, ну, на худой конец, с Покрышкина.

Лейтенант Каркаладзе был командиром второго взвода. За глаза этого семидесятилетнего вампира называли Каркалыгой. Хотя, пожалуй, только фамилия вызывала легкую усмешку, а так мужик был правильный.

Выдержал я такое издевательство около двух месяцев. Потом пошел к Ваню за помощью. Он сочувственно выслушал меня, покачал головой и с недоумением сказал:

– Вах, дарагой! Зачем так душу рвешь? Будь проще, пиши то, что знаешь, и не лезь в подробности.

– А если не знаю?

– Тогда пиши вот так. – Он сунул мне под нос свои бумаги.

Я заглянул в них. Это были небрежные отписки, которые тем не менее достаточно точно отражали положение вещей.

- Мне майор за такое башку оторвет.
  - А ты пробовал? – с любопытством поинтересовался Ваню, пряча документы.
  - И пробовать не буду. Я еще жить хочу.
  - Тогда мучайся, – заключил Ваню, выпроваживая меня из комнаты.
- И я честно мучился еще месяц, до очень памятного случая...

– ...Иван!

Майор ворвался в казарму так, словно за ним гнались все черти ада. Я встревоженно оторвался от журнала, который честно пытался заполнить вот уже третий день, каждый раз придумывая весьма убедительные причины, чтобы отложить бумаги еще хотя бы на час, так что и сейчас я только рад был пофилонить, но вид, а главное, волнение учителя не на шутку меня поразили.

Предупреждая мой вопрос, он скомандовал:

- Подъем всем! Всю роту на вертушки! Живо!
- Всех?! Но два взвода только с задания! У них отсыпной день.
- Всю роту! – рявкнул майор. – Если через двадцать минут «коровы» не взлетят, Батя тебе шею свернет!

Проверять возможности полковника я не стал. Тем более что в них ни капли не сомневался. Голову и я свернуть могу – дело это нехитрое, ума большого не требует. Выскочив из казармы, я с изумлением увидел, что к летному полю стянулся весь вампирский личный состав. Из кабины первого МИ-8 выглядывал Батя, наблюдая за посадкой. Увидев нас, он удовлетворенно кивнул. Мы направились к нему. Батя спрыгнул на землю и что-то шепнул майору. Я только коротко вздохнул. Услышать шепот людей или уловить их мысли – это нетрудно. Но с вампирами все гораздо сложнее, а такие старики, как наставник и Батя, легко экранировались. Но, видимо, то, что сообщил полковник, оказалось слишком серьезно. Учитель коротко ругнулся и помчался к нашей машине. Я поспешил следом.

Когда, вспарывая винтами воздух, вертушки оторвались от земли, майор обвел нас тяжелым взглядом и коротко проинформировал:

– Дело плохо, бойцы! Великий Магистр Афгана объявил общий сбор. Гроссмейстеры из Европы, Союза, Штатов уже на месте. Это значит только одно – будет объявлена Большая Охота! А судя по наличию Гроссмейстеров, Охота будет общая.

Мужики коротко охнули. У меня отвисла челюсть. В школе нам объясняли, что Охота открывается только в исключительных случаях. А уж общих, то есть международных, почти не бывает. Санкционирует Охоту только Великий Магистр той страны, где произошло ЧП.

– Иван, – тихо предупредил учитель, – от меня ни на шаг! Если это то, о чем я думаю, дело плохо... Все вопросы потом, – отмахнулся он от меня.

Мы приземлились в ущелье, в самом центре горного массива. Этот район считался достаточно спокойным, поэтому рейды здесь не проводились. Но по той уверенности, с которой пилоты посадили машины, было понятно – этот маршрут им хорошо знаком. Выпрыгнув из кабины, я огляделся и изумленно присвистнул. Столько вампиров за один раз мне еще видеть не доводилось.

Батя уже уверенно направлялся к плотной группе представительных мужчин в центре нашего собрания. Они отличались от основной массы прибывших чем-то неуловимым, но необыкновенно весомым. Возможно, это был опыт, приобретенный в процессе долгой жизни, возможно – мощь и знания, а может быть, все вместе взятое. Пока наш Гроссмейстер здоровался с собравшимися с той сердечностью, которая основана на бесконечно долгом знакомстве и доверии, пока он бегло просматривал документы, майор тоже не стоял на месте.

Я, как приклеенный, держался рядом с ним. С нами то и дело здоровались, он меня кому-то представлял, а я не мог опомниться от изумления. Здесь собрались все: духи, талибы, наши,

американцы, англичане и еще бог знает кто. Все были встревожены, но общались друг с другом достаточно спокойно, не проявляя неприязни. Присмотревшись, я понял, что сдерживать чувства приходится в основном молодежи. Все бойцы старше семидесяти лет, казалось, просто не замечали, что рядом с ними находились солдаты из враждебной страны.

Я, конечно, помнил и лекции, и рассказы майора на тему мира и дружбы между вампирами, но столь наглядное подтверждение этой информации меня просто поразило. А тут еще неожиданно к нам подскочил здоровенный мужик, судя по внешнему виду – не меньше чем арабский шейх, только с автоматом на плече, и, радостно заорав: «Петя! Привет!» – облапил учителя.

Тот с не меньшим энтузиазмом обнял его, а потом, повернувшись ко мне, сообщил подошедшему:

– Знакомся, Джабраил, это мой ученик Иван! Ваня, это Джабраил эль Мухаммед-Ходжа, прямой потомок пророка Мухаммеда.

У меня отвисла челюсть. Глядя на этого афганца, никто не поверил бы, что ему около шестисот лет. Значит, он почти в два с половиной раза старше учителя. Немедленно промелькнула непрошенная мысль на тему: к какой ветви пророка Мухаммеда относится Джабраил. Но надо было здороваться, и единственное, что я смог пробормотать, было:

– Салам алейкум, уважаемый! – И неожиданно даже для себя добавил: – Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его!

Оба вампира вытаращились на меня, похоже, лишившись от изумления дара речи, а потом дружно заржали.

– Хвалю! – сквозь смех пророкотал Джабраил, хлопая меня по плечу. – Поздравляю, Петя! Хороший парень, хоть и очень заметный. Мне мои орлы сообщили о появлении птенца, но не знал, что это ты постарался. Кстати, мог бы и на праздник пригласить.

– Спонтанно вышло, – пояснил майор и тут же сменил тему: – А твой как?

– Да ничего, тоже отучился. У вас же, в Союзе.

Я не удержался и тихонько хмыкнул. Похоже, у нас действительно полный интернационал. Хотя ну не ощущал я к ним любви и доверия. Даже к Джабраилу, которого мой учитель явно хорошо знал. Более того, при взгляде на афганских вампиров я непроизвольно напрягался. Мне все время казалось, что сейчас начнется стрельба. Но, похоже, только я ощущал нечто подобное. Все остальные, разбившись на группы, оживленно беседовали. Кое-где пошли по рукам фляги. В нескольких местах я заметил отработку новых приемов.

– Расслабься, – негромко посоветовал майор, внимательно наблюдая за моей реакцией, – это трудно принять и почувствовать до определенного возраста. Ты еще слишком молод. А понимание того, что эти ребята тебе не враги, должно как следует укорениться. – Он слегка приобнял меня за плечи. – Главное, усвой одно – ни с кем из присутствующих здесь ты не скрестишь оружия. Заметь, часть Джабраила стоит напротив нас. Боевые действия идут, но ни с кем из них ты не сталкивался.

Я, успокаиваясь, кивнул.

– Вот и отлично! Игры людей интересуют нас лишь до тех пор, пока наши интересы совпадают или пока их действия не начинают нам мешать. Лучше пообщайся с ребятами. Но далеко от меня не отходи. Магистрат скоро начнет.

Он дружелюбно подтолкнул меня и вновь обернулся к собеседнику. Но тут магистры закончили совещаться и вперед вышли два Гроссмейстера – Батя и рослый афганец, с очень своеобразным, но тем не менее красивым лицом.

– Сводный отряд! Становись! – скомандовали они.

Майор с сожалением развел руками, показывая Джабраилу, как он огорчен, тот, в свою очередь, расстроено кивнул, и они быстро разошлись. Повсюду раздавалась команда «Рота, становись!».

Этот приказ прозвучал на нескольких языках, но я, как ни странно, их понял. Сейчас я получил наглядное подтверждение еще одной лекции. В школе прапорщиков нам, кроме всего, давали иностранный язык. Преподаватель объяснял, что, благодаря свойствам нашего мозга, мы неплохо владеем телепатией. Поэтому нам необходимо усвоить только основы чужого языка и минимальный словарный запас. А дальше начинают работать особые способности. Дело в том, что, глядя, например, на цветок, у любого человека, независимо от национальности и места проживания, в коре головного мозга возникают определенные колебания. И эти колебания одинаковы что для индейца, что для русского, поэтому совершенно неважно, каким словом называется этот предмет в том или ином языке: главное, уловить и распознать импульс. Если, конечно, ты собираешься общаться только с себе подобными. Ну а для того, чтобы жить в чужой стране, словарный запас, а главное, письменный язык учить, конечно, надо.

Тем временем мы построились. Гроссмейстеры отошли в сторону, и я увидел Великого Магистра Афганистана. Чем-то он был схож с Муслимом Магомаевым. Такой же высокий и красивый. Казалось, что он сейчас запоет, но Великий Магистр заговорил. Говорил он минут пять. Из его слов я не понял ничего, так как не знал ни слова на пушту⁵. Я вопросительно посмотрел на стоящего рядом сержанта. Тот понимающе покосился на меня и шепнул, наклонившись к моему уху:

– Охоту объявляет.

В душе у меня все оборвалось – значит, правда. Вот уж какого приключения я не хотел так не хотел. Тут Великий Магистр завершил речь и вперед вышел Батя. Он повторил всю речь на русском. Потом это же повторили на английском, арабском и пакистанском. Для афганцев перевода, естественно, не потребовалось.

Смысл сказанного сводился к тому, что трое вампиров из Пакистана решили, что нас слишком мало, а главное, что мы играем гораздо менее заметную роль, чем можем. Кстати, в Пакистане их действительно осталось мало. Все произошло из-за того, что во время индо-пакистанского конфликта индийская тактическая ракета попала в дом, где в тот момент проходило заседание пакистанского Магистрата. Вампир, конечно, теоретически может отрастить, например, оторванную стопу. Но срастись из той каши, которая осталась после взрыва, не сможет никто. Вот так и получилось, что десяток птенцов остались без наставников. К тому же им не повезло еще и в том, что все школы после раздела страны остались на территории Индии. А несколько старых пакистанских вампиров, оставшихся в живых, уже давно перебазировались в другие страны.

Поскольку от молодняка сигнала о помощи не поступало, решили, что все вампиры погибли. Следовательно, местные юнцы остались без присмотра и учебы. Пару десятков лет они сидели тихо. Приходили в себя после такой встряски, приспособлялись к жизни без медицинского переливания крови. Нет, полностью на питание кровью они не перешли. Донорских пунктов в стране хватало, но, убедившись в полной безнаказанности и неуязвимости, а главное, в своих способностях, ребята обнаглели, как и средневековые вампиры. Они решили, что переливание крови утомительно, а кровь животных малопитательна, вследствие этого начали щипать людей. Вот тут на них и вышли бойцы из Афганистана.

Диких вампиров немедленно переправили в Афган, чтобы обучить всему, что нужно. Но те уже привыкли к самостоятельности и безнаказанности и в итоге решили действовать так, как считают нужным. Их глубоко оскорбляло то, что, имея такие сверхвозможности, они вынуждены подчиняться кому-то вместо того, чтобы править миром. Вот только интересно, зачем он им нужен и что они с ним делали бы? У них ведь фантазии даже на себя не хватало. Но главное они понимали – для открытого противостояния Магистрату им нужна преданная армия себе подобных. Не найдя поддержки у старших товарищей, они, со свойственным молодежи

---

⁵ Пушту – один из использующихся в Афганистане языков, отсюда – пуштун – человек из племени, говорящем на пушту.

максимализмом, принялись за дело сами. Беда только в том, что молодость, как правило, мало знает. А технология создания вампиров искажается слухами и домыслами. А тут еще и глупые художественные произведения.

Короче, вместо вампиров по Гиндукушу стали расползаться упыри. Услышав это, я похолодел. Про упырей нам тоже рассказывали в школе. Упырь – тот же вампир, с той разницей, что ему сделали переливание крови создателя слишком поздно, после смерти мозга. В медицине это называется биологическая смерть. После ее наступления реанимационные мероприятия прекращаются. Наны, конечно, в состоянии восстановить даже в этом случае все функции организма, но не могут оживить умерший мозг. Они восстанавливают рефлексы, однако погибшие лобные доли, естественно, не работают. Кстати, это добавляет нанам еще одну заботу: они вынуждены все время поддерживать консервацию отключенных частей мозга, чтобы исключить разложение и, соответственно, заражение всего организма. Поэтому мы получаем существо, способное двигаться, видеть, слышать, выполнять простейшие действия и команды, но главное – алчно питаться. Прямо как человек с черной дырой в желудке. Однако голод упыря гораздо страшнее, он требует только крови и плоти.

Не успели наши нарушители опомниться, как в горах оказались уничтоженными несколько отар вместе с пастухами и собаками, а также десяток кишлаков. О растерзанных одиночках речь даже не шла.

Поняв, что натворили, и испугавшись неотвратимого возмездия, ребята залегли на дно, надеясь переждать и скрыться. Но, поскольку они отказались от учебы, то не знали ничего и даже не представляли себе, что такое Охота. Поэтому решили дожидаться, пока все не успокоится, а потом перебраться в другую страну, но этого, естественно, никто не собирался допускать...

...Когда мы вновь взлетели, направляясь в часть, я спросил у майора:

– И как же мы их ловить будем? Ни фотографий, ни даже приблизительного места нахождения.

Майор посмотрел на меня с усмешкой:

– Плохой, однако, из тебя следователь. Ты уже знаешь всех вампиров, находящихся на территории Афгана, а значит, любой незнакомый вампир априори является врагом. У нас есть главное – места происшествий. Если расположить их на карте, получим круг поиска. Где-то в его середине и надо искать наших клиентов.

– А как же упыри? Они ведь могли расползтись куда угодно!

– В том-то и беда их, что не могли! – парировал майор. – Создатель для них – центр управления. Своих-то мозгов нет. Думаю, это еще один неприятный сюрприз, который ожидает этих балбесов. Им теперь приходится думать не только за себя, но и за безмозглых кровососов. К тому же управлять ими можно только мысленно. А на определенной дистанции связь прекращается. Упыри не могут такого допустить, иначе погибнут. Вот и бродят, как козлы на веревке, не в силах отойти от шефа.

– А какова дистанция?

– Зависит от силы вампира. Вот ты, например, на каком расстоянии можешь почувствовать коллегу?

– С километр, – приврал я.

– Трепло! С твоим стажем – не более пятисот метров. А у этих стаж лет по семьдесят-восемьдесят. Но ведь это дикари, дети гор. К тому же необученные. Психика как у семнадцатилетних пацанов. А вот невербальные возможности уже хорошо развились. К тому же здесь большие незаселенные просторы, им приходится выкладываться. Значит, рассчитывай на тридцать-сорок километров. А судя по карте нападений, радиус круга составляет километров семьдесят. Вот и представь себе, с каким молодняком мы встретимся.

Я поежился. Перспектива открывалась отнюдь не радужная. В голове невольно всплыли кадры из кинофильма «Вий»⁶. От этого меня передернуло еще сильнее. Майор посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся.

– Не бойсь, салага! На самом деле все будет очень просто! Мы потихоньку начнем сжимать кольцо. А почувяв опасность, упыри сами побегут к своим хозяевам. Проблема только одна – упыри, блин, заразы!

– В каком смысле? – оторопел я.

– В упырином! Если они человеку только горло перегрызут, но не сожрут, то через несколько дней покойничек встанет и приползет домой, здороваться. А заодно и поужинать своими родственниками. Эти твари, кроме всего прочего, отличаются еще и непроходимой тупостью. Следовательно, питание начинают искать там, где жили. Поэтому готовься к тому, что их там будет не десяток, а сотни полторы. Причем из пистолета их не возьмешь. Каждому как минимум нужна граната, так, чтобы на куски разнесло.

– И что же делать?

– Ну, во-первых, подготовить автоматы с подствольниками. Во-вторых, взять с собой не РПК, а автоматические гранатометы. И третье, и самое главное – не дать с рассветом спрятаться. К солнцу они, в отличие от нас, адаптироваться не могут никогда. В этом легенды не врут. Ультрафиолет их косит, как микробов хлорка. Так что не горюй, все будет нормально. И, кстати, отчет должен лежать у меня на столе через два часа после окончания операции. Хорош филонить и обозначать работу. Да и спать надо ложиться все-таки вовремя. А то у тебя глаза красные с недосыпу, как у рака.

– Они у меня всегда такие! – обиделся я.

– А сейчас еще красней! – огрызнулся майор. – Вот уж точно, увидишь такого ночью – до смерти испугаешься!

На такие приколы майора я уже давно не обращал внимания – мало ли как человек развлекается. А вот отчет за два часа – это гораздо серьезнее, и, похоже, учитель не шутит.

Прибыв в часть, наша рота повзводно, с песнями, направилась в госпиталь. Пока нам делали переливание и снабжали аварийным запасом консервированной крови, Батя связался с вышестоящим начальством. В генштабе не все были вампирами, но, как и положено, знали о своих подчиненных все, ну или почти все. Поэтому генерал без тени удивления сразу дал добро на участие всех наших вампиров в международной акции по ликвидации террористической группировки, засевшей в высокогорье.

Эту операцию я всегда буду вспоминать с ужасом. Упыри только на первый взгляд не отличаются от людей, но пустые бельма глаз смотрят на мир, как объективы кинокамер, застывшие лица не выражают ничего, изо рта постоянно течет слюна, а их бесконечный, ничем не утоляемый голод ощущался даже мной за несколько километров. Одного только этого чувства было достаточно, чтобы захотелось бежать куда глаза глядят и не оглядываться. Но самым страшным оказалось совсем другое. Они страдали. Господи! Как же они мучились! Это было не физическое чувство, таких ощущений они не испытывают. Нет, это была какая-то безысходность и невообразимая тоска, которая может быть только у живого трупа. Метания души, которая, находясь рядом с телом, не может освободиться и вынуждена оставаться в страшной оболочке. Поэтому, когда они запылали под солнечными лучами, словно факелы, я не ощущал ничего, кроме несказанного облегчения.

Но, даже погибая, они готовы были вцепиться в глотку любому, кто окажется рядом. В расчетной точке находилось несколько укрытий. Поэтому, очистив местность от вурдалаков,

---

⁶ Вий – фильм, снятый по одноименной повести Н. В. Гоголя в 1967 году в СССР. Считается одним из самых страшных фильмов за всю историю кинематографа.

мы поспешили к ним. Дальнейшее большого труда не представляло. Вампиров брали только Магистры.

Три существа понуро выбрались из пещеры. Их очень тяжело было назвать людьми, впрочем, как и вампирами. Уже больше года они питались, как в средневековье, кровью жителей ближайшего аула. А если учесть, что в ауле уже давно никого не осталось (упыри хорошо поработали) то, пожалуй, они были даже рады сдаться.

После окончания операции, возвращаясь в часть, я вспомнил «приятную» перспективу и запаниковал. Отчет грозным призраком маячил на горизонте, неотвратимо надвигаясь на меня. Внезапно я вспомнил, что было написано в бумагах у Вано. В голове забрезжил еще далекий, но уже вполне понятный свет. Так что через два часа после прибытия документы таки лежали у майора на столе. Это была точная копия текста Каркаладзе, но с поправкой на мой взвод. Майор бегло глянул на него и, не читая, бросил отчет к себе в стол.

– Ладно, иди отдыхай! Следующий отчет будешь писать так же!

Ошеломленный таким коварством, я ушел спать, но сразу заснуть не получилось. Какое-то время я лежал, вспоминая все увиденное в горах. Даже по памяти зрелище было жуткое. Потом все-таки я задремал, но от этого стало еще хуже. Все оказалось залепано кровью. Толпы упырей рвали на куски баранов, собак и людей. Их невидящие глаза пристально следили за мной. Они глухо рычали и неумолимо приближались к моему окопу. Кости несчастных созданий трещали у них на зубах. И этот треск очень сильно напоминал автоматные очереди.

Неожиданно меня сильно встряхнуло.

«Довоевался! – с ужасом подумал я. – Теперь точно конец!»

И услышал:

– Подъем, товарищ прапорщик! Боевая тревога! Духи!

Будил меня сержант, дежурный по роте. Он казался совсем мальчишкой, не старше восемнадцати лет, хотя на самом деле ему было хорошо за шестьдесят.

– Среди духов наши есть? – слетая с койки, спросил я.

– Нет! Это вообще какие-то дикие, не поймешь, откуда взялись! Похоже, контрабандисты заблудились!

– А где люди?

– Посты держат передний край обороны. Остальные подтягиваются. Кстати, у этих гадов АГСы.

Торопливо застегиваясь, я зашипел от злости. Это было действительно опасно, в основном для нас. Но не бросать же мальчишек. Когда я выскочил из комнаты, мой взвод уже был готов, впрочем, как и два остальных. Перед строем стоял майор.

– Горлов! – не оборачиваясь, скомандовал он. – Твоя задача погасить гранатометы! Огнестрел с собой не брать! Зайдете с тыла! Этих ублюдков разрешаю порвать голыми руками! Направо! Исполнять!

Мы кинулись к выходу. Наставник на секунду придержал меня и коротко шепнул:

– И чтоб ни одна зараза живой не ушла! – Затем, обернувшись к сержанту, приказал: – Сообщите: людей отвести с позиций!

Команды, отданные двум оставшимся взводам, я уже не услышал. Мы бежали в обход. Если быть более точным, скажу: мы неслись, как ветер. Каждая секунда уносила жизни ребят.

Выскочив на гору чуть выше нападающих, мы сразу увидели караван, замерший на тропе, и духов, ведущих огонь по периметру. Я быстро засек все четыре гранатомета и коротким взмахом руки распределил цели по штурмовым группам. Как обычно, во время боя мои команды выполнялись беспрекословно. Одну из целей я оставил себе. Мы рассредоточились и бесшумной лавиной ринулись вниз. Нас не интересовал никто, кроме гранатометчиков. Но на пути к ним были люди. Они ничего не успели понять. Мы прошли через них, как раскаленный нож сквозь масло. За нами оставались бездыханные тела. Гранатометы замолкли. Я удовлетворенно

улыбнулся. Все было сделано чисто. От начала нашей атаки до ее конца прошло не более пятнадцати секунд.

Я отдал команду, и мы занялись уборкой. То, что творилось на горе, людям, особенно непосвященным, показывать не стоило. На нас и так косились, а если бы они еще и это увидели... Хотя после такого боя все будут в глухой обороне. Но надеяться на авось нельзя.

В ту минуту, когда замолк последний гранатомет, снизу вверх двинулись второй и третий взвод. Теперь ребята вовсю использовали автоматы и штыки. Еще через три минуты все было кончено. От каравана остались только ишаки с грузом. Много ишаков, не меньше сотни, и на каждом висело по два огромных вьюка. Я разрезал один и увидел какую-то непонятную темно-коричневую траву, издающую сладкий дурмящий запах. Рядом появился майор с командиром третьего взвода Покрышкиным.

– Разнюхался! – фыркнул он. – Опия никогда не видел? Ладно. Всех людей в госпиталь, независимо от ранений! Наших, кто особенно нуждается, тоже! Покрышкин, Горлов! Ишаков на территорию части! Духов собрать и уничтожить! Каркаладзе, выставить караулы, занять круговую оборону вокруг части!

Когда мы со всем управились, выяснилось, что отдых нам не светит. По приказу Бати первый и третий взвод, прихватив противогазы с противодымными патронами, отправились жечь груз, уведя ишаков как можно дальше от части.

Я слегка волновался. А вдруг духи начнут искать пропавший караван. Но лейтенант Покрышкин весело пояснил, что пропажу обнаружат не сразу. Да и потом попробуй через неделю-другую выясни, где эти идиоты заблудились. Ну а когда станет известно о сегодняшней стычке, все вопросы вообще отпадут.

– Правда, бдительность терять нельзя! – добавил он, озабоченно следя за направлением ветра. – Вот зараза! Дым к ближайшему аулу потянуло! Нам только укуренных пуштунов не хватало.

– Далековато, – робко возразил я.

– Ага! Как же! Одна надежда, что развеется.

Ишаки, освобожденные от груза, бодро бежали по тропе. Они были совсем не упрямые, но какие-то злые. При любой попытке их оседлать они бессовестно лягались и кусались. Конечно, при желании обломать их легко, но силу применять не хотелось, животные-то в чем виноваты?

Вернувшись в часть, мы доложили майору о выполнении задания. Тот коротко кивнул. Всю ночь мы держали периметр, опасаясь нового нападения. Если бы таковое последовало, нам пришлось бы очень несладко. Не меньше половины бойцов были выведены из строя. Но все обошлось. Расслабились мы только после возвращения Бати, который летал к Великому Афганскому Магистру. А днем подтянулся человеческий батальон на БТР и четыре машины полевого госпиталя для раненых и для нас. Нам было необходимо внеочередное переливание крови. Бой и неизбежные в таком случае ранения сожрали слишком много ресурсов.

Ишаков Батя распорядился отдать в соседний аул. Пусть что хотят с ними, то и делают.

– А если спросят, где мы их взяли? – спросил я.

– А то они не в курсе! Благодаря вчерашнему костру, вся округа знает. Поэтому и духи не сунутся, отбивать уже нечего, да и бойцов своих жалко. К тому же караван какой-то непонятный. Великий Магистр о нем ничего не знает. Похоже, что-то очень закрытое. Как бы не наш генералитет постарался. Больно уж вооружены хорошо. АГСы не в каждой части есть, а здесь сразу четыре штуки, так что явно кто-то в генштабе крысятничает.

Я тогда не поверил, но позже узнал, что полковник угадал правильно. Сырец везли на подпольный завод, где делали из него героин, а героин в цинковых гробах отправляли в Союз, и отношение к этому имели очень высокопоставленные особы. Поэтому посвящены в это были только доверенные люди, вампиры же таковыми не являлись. Наше присутствие не мешало

человеческим генералам, но делиться барышами они не собирались. И только после этого случая, когда тайное стало явным, Магистрат Союза заинтересовался и начал собирать данные...

...Дальше ничего особенного не происходило. Служба пошла как обычно. Разведка, операция, переливание крови – рутина. Как-то вечером, сидя с майором в ленинской комнате перед телевизором, мы слушали очередную речь Горбачева. Точнее, слушал учитель, а я, уткнувшись в книгу, ничего не замечал. Да и что было замечать? Мы все так привыкли к постоянному пережевыванию слов, непрерывно льющемуся из телевизора, что просто пропускали эти выступления мимо ушей.

– Не нравится мне этот мужик, – неожиданно пробормотал майор.

Я поднял голову и посмотрел на него. Похоже, в отличие от меня, он смотрел и слушал очень внимательно, и его взгляд, обращенный на нашего генсека, мне очень не понравился. Я повернулся к телевизору – мужик как мужик, гладенький, кругленький, холеный, со смазанными, словно приглаженными чертами лица. Лысина гордо сияет крупным родимым пятном. Речь вязкая и несколько косноязычная. Все фразы обтекаемые и расплывчатые. Что еще? Ну не отвечает прямо ни на один конкретный вопрос – расплывается мыслью по древу, но если сравнивать с Брежневым, просто Цицерон. В общем, ничего особенного. Радует только одно: по сравнению с предыдущими руководителями этот еще довольно молод, а значит, в ближайшее время нам не грозит продолжение «гонки на лафетах»⁷ и старческий маразм. Я вновь посмотрел на майора.

– Терпеть не могу масонов, – отозвался он, по-прежнему глядя на экран.

Я только вопросительно приподнял брови. О масонах я, как и большинство наших сограждан, не знал почти ничего. Изредка упоминания о ложе «Вольных каменщиков» встречались в исторических романах, и все, хотя даже из этого скудного запаса информации я помнил, что это тайный орден. Ребята, руководящие им, безудержно рвутся к власти, не брезгуя никакими средствами для достижения своей цели. На несколько секунд я задумался над тем, почему вампиры не вступают в масонские ложи? Ведь наши возможности и способности должны просто подталкивать нас туда, но пока я не встречал никого из них. Ни людей, ни тем более вампиров. О чем и сообщил учителю.

– Да встречал, – грустно вздохнул майор, – только у них на лбу не написано, кто они и к какому ордену принадлежат. Своих людей они распознают с помощью условных знаков. – Протянув мне руку, как для приветствия, он сделал легкий, почти незаметный жест ладонью. – Никогда ни у кого такого не видел? – поинтересовался он.

– Не пойму, – честно признался я, – так руку многие подают.

– Не так, – покачал головой майор, – совсем не так. И судя по тому, что масоны пришли к руководящим постам, у нас намечаются серьезные перемены. Он сейчас со своей перестройкой раскачает систему, обескровит экономику, а потом разыграет какого-нибудь дурака с инициативой, который и развалит страну.

– Разве такое возможно? – усомнился я.

– Через несколько лет увидим, – мрачно отозвался майор.

Я философски пожал плечами и вернулся к чтению. Вот уж чего у нас навалом, так это времени. Разговор постепенно забылся. Что бы там ни говорил учитель, но генсек был в Союзе, а мы на войне. Но через пару месяцев, возвращаясь с очередного задания, я почувствовал на территории части двух новых вампиров, а если более точно – не новых, просто не наших. В том, что я их знал, ну хотя бы видел, сомневаться не приходилось. Если ты хоть раз увидел кого-нибудь

---

⁷ Гонка на лафетах – пятилетка пышных похорон, начавшаяся смертью и похоронами генерального секретаря КПСС Л. И. Брежнева в 1982 году. Вслед за ним, с интервалом в год-полгода, были похоронены еще два генсека и несколько высших политических деятелей СССР.

из себе подобных, то он автоматически становится своим. Его импульсы уже знакомы, и надо только разобраться, кто это. А таким асам, как Батя, и времени не нужно, они их моментально читают. Я еще так не умел, но не особенно расстраивался – всему свое время.

У госпиталя меня уже ждали.

– Привет! – поздоровался Каркаладзе, отрываясь от занимательной беседы с новенькой медсестрой, кажется, ее звали Анечка. – Как сходили?

– Как всегда!

– Отлично! После процедуры загляни к Бате – твой тебя там ждет.

Я коротко поблагодарил и поспешил за своими бойцами. Сидя в кресле, я пытался сообразить, что еще случилось и как связан визит гостей с этим приглашением. Особого возбуждения я не чувствовал, значит, ничего чрезвычайного не произошло. Тем более что в экстренном варианте учитель уже связался бы со мной. Может быть, дело в том, что в этот выход майор не ходил вместе со мной. Он решил, что я достаточно повзрослел и меня пора выпускать на вольный выпас. Хотя думай не думай, а пока я его не увижу, ничего не узнаю.

Отправив после процедуры ребят в столовую, я направился в штаб: раз учитель у Бати, то выбирать не приходилось. Стукнув пару раз в дверь кабинета полковника, я для порядка поинтересовался:

– Можно войти?

Для порядка, потому что прекрасно знал – и Батя, и майор, и гости, которые сидели у него, уже меня узнали.

– Входите, товарищ прапорщик! – отозвался полковник.

Вот даже как! Все официально! Ладно, пусть будет так. Я открыл дверь. В кабинете, кроме моих непосредственных начальников и по совместительству родственников, сидели Джабраил и молодой вампир. Глянув на него, я слегка загрузил: молодой-молодой, а почти семьдесят лет стажа имеется. Решив до конца держать фасон при посторонних (все-таки чужая армия), я бодро рывкнул:

– Товарищ полковник! Разрешите обратиться к товарищу майору Ермоленко!

– Разрешаю! – с ехидцей произнес полковник и вкусно хрупнул соленым огурчиком.

И я так же бодро, как и начал, продолжил:

– Товарищ майор! Задание выполнено! Клиент доставлен! С ним занимается капитан Ткаченко! Потерь среди личного состава и людей нет! Группа прошла положенные процедуры и отдыхает!

Майор слегка улыбнулся и негромко сказал:

– Благодарю за службу.

– Служу Советскому Союзу! – так же невозмутимо, как и он, отозвался я.

После последней фразы комната сотряслась от хохота. Когда все успокоились, майор хлопнул по стулу рядом с собой и, мысленно излучая одобрение, произнес:

– Ладно, молодец, присядь.

Это означало, что официальная часть закончена. Я снял португепю, свернул, положил ее в свой берет и забросил на подоконник. Там уже лежал арсенал присутствующих. После этого я поздоровался со всеми уже без выкрутасов и сел за стол. Передо мной тут же возникла тарелка, в которой лежали соленые огурцы, салат и несколько кусочков копченого бекона. В центре стола гордо красовалась нарезанная крупными кусками селедка, рядом, пучком, прямо из вазы торчала разная зелень. В общем, судя по початой бутылке, пьянка шла полным ходом. Поскольку много пить мы не можем, желудок не позволяет (отравление алкоголем не подарок, хоть и не смертельно), то можно было понять, что сидели они за столом уже не первый час.

Нет, если необходимо, мы можем пить сколько угодно и при этом ни в одном глазу. Вот только есть маленький нюанс – на следующий день после этого у людей болит голова, а у нас, как я уже упоминал – желудок. Наны, конечно, справляются и с диареей, и с отравлением, и

с другими проявлениями пьяного вечера, но не так быстро, как хотелось бы. Ведь при этом клетки не разрушаются, а просто временно выводятся из рабочего состояния. Вот наны и не могут сообразить, как их в порядок привести, а пока они тормозят, как раз и развивается все, что сопутствует желудочной инфекции. Во избежание последствий надо либо сразу после застолья бежать в донорский пункт, либо пить немного. А поскольку все здесь люди серьезные, то перебора не было.

После того как мы выпили и закусили, присутствующие продолжили разговор, начатый без меня. Прежде чем начать, Джабраил вопросительно посмотрел на полковника, после чего перевел взгляд на меня и обратно. Полковник еле заметно кивнул. Лицо гостя выразило удовлетворение, и он как ни в чем ни бывало продолжил начатую еще до моего прихода фразу:

– ... Будем называть вещи своими именами. Обратите внимание, как эти нахалы распоясались в последнее время. Мало того, что спровоцировали недавние события, так теперь еще и своих ставленников во власть распахивают.

– Значит, вы тоже заметили. – Полковник задумчиво гнул в пальцах стальную вилку.

– Этого только слепой не заметит! – возмущенно фыркнул Джабраил.

Я вопросительно посмотрел на Ермоленко. Тот еле слышно шепнул:

– Разговор о масонах помнишь? Вот об этом и речь.

В это время Джабраил продолжил:

– Алекс, я не знаю, что будет дальше. Но, если дела пойдут таким же образом, мы, скорее всего, опять придем к войне. И дай бог, чтобы она была чуть менее страшная, чем ваша с немцами. Или нам придется внедрять своих людей в эти организации.

Полковник задумчиво проронил:

– Возможно, это и выход. А насчет войны я бы не надеялся. Думаю, это будет много страшней и масштабней. Но, слава богу, не в этом веке.

– Обрадовал! До начала следующего всего двенадцать лет осталось!

– Тринадцать, – педантично поправил майор.

– Не придирайся к словам! Один год роли не играет! – отмахнулся Джабраил. – А вообще, думаю, ты прав. И ждать осталось недолго, лет пятьдесят – шестьдесят. Смертные сначала на местном уровне побалуется, а потом уже на всю катушку оторвутся. Только вот нашим «друзьям», так сказать, отсидеться не удастся. Ракеты до Америки долетают не задумываясь.

Мне стало очень неудобно, и я произвольно спросил:

– А мы что, ничего не можем сделать?

Повернувшись ко мне, Джабраил снисходительно улыбнулся, его ученик вздохнул, но ответил полковник:

– Пробовали, и не один раз. Например, имперский Рим. Как только мы перестали их контролировать, алчность людская уничтожила все.

– А мы прямо ангелы! – не удержался я. – Нам ни деньги, ни власть не нужны!

– Нужны, до определенного момента. Потом приходит опыт и понимание. Начинаешь осознавать, что денег, например, должно быть столько, чтобы о них не думать, а больше – просто мешает жить. Власть, пожалуй, более страшное испытание, но и она надоедает. Понимаешь, самые старые и умудренные правители – сынки по сравнению с молодыми вампирами. Это нас выгодно отличает от смертных. К тому же мы никогда не переставали влиять на политику. Но иметь власть в руках, особенно безграничную, просто утомительно.

– А после Рима попытки были?

– Чему тебя в школе учили? – возмутился майор. – Вспомни курс истории! Были, конечно! И до и после! Беда только в том, что любая вновь создаваемая империя первоначально, хотя бы внешне, ставит цель – равенство и безопасность всех ее граждан. Однако аристократы и рабы равноправными гражданами не являются! А к концу своего существования империя превращается в инструмент выжимания средств из совершенно бесправных людей,

какими становятся все, кроме аристократов. Поэтому все империи пожирали себя сами. Иногда просто мирно угасали, а иногда гибли в огне.

– А мы тут при чем?

– Через несколько лет поймешь. А если подробней, пока жив хоть один носитель первоначальной идеи, империя или учение живут. Они живут до тех пор, пока жив хоть один ее идеолог, и как только уходит последний, все превращается в пыль, – пояснил Джабраил, потом, глянув на полковника, добавил: – Кстати, Александр, тебе не кажется, что мы сильно отвлеклись? Я понимаю, что у Петра любознательный ученик, но все это надо было в школе учить.

– Извини его, молодость! – хмыкнул полковник.

– Хорошо... Так вот – те, кто нас интересуется, сейчас в Пакистане. Готовят очередную пакость, причем не только у нас. Это самая близкая точка к Союзу, а в течение двух-трех месяцев они должны перебраться сюда. Мне, как местному Гроссмейстеру, поручено тебе сообщить, что наш Великий Магистр объявит Охоту.

У меня отвисла челюсть. В памяти еще не изгладилась предыдущая, а тут, на тебе, еще одна. А говорили, что это редчайший случай. Ученик Джабраила слегка улыбнулся, увидев мое лицо, а может и, прочитав мои мысли, из чего я сделал вывод, что он-то знает, о чем речь.

– А почему Великий из Индии молчит? – хмуро поинтересовался майор.

– Сам знаешь, что он числится хозяином Пакистана только номинально. Особенно после того, как пакистанский совет погиб. Там их и так было не больше двух десятков, а сейчас и того меньше. Поэтому наши отщепенцы туда и рванули. Так что придется ждать. Не ловить же их по всей стране, тем более что они хорошо замаскированы. Нам здесь очередная война не нужна! И этой достаточно! – фыркнул Батя.

– По этому поводу и выпьем! – неожиданно предложил майор и многозначительно посмотрел на Батю и Джабраила.

Разговор после этого перешел на более легкие темы и закончился хорошо за полночь. Правда, не для всех, а только для нас (птенцов). Чуть охмелевший Батя неожиданно встрепнулся и изрек:

– Детское время кончилось! Молодежь, по койкам! Ваня, на правах хозяина возьми Эскиндера, и погуляйте. Или поспите, на худой конец.

Мы молча вышли. В казарму не хотелось, сон не шел. Мимо то и дело, здороваясь на ходу, пробегали по своим делам вампиры. А мы медленно брели по плацу. Разговор не клеился. Я никак не мог отрешиться от ощущения, что рядом идет враг. Он тоже не испытывал ко мне ни малейшей приязни. Но здесь дело было в другом. Я всей кожей ощущал его недовольство и зависть. Мы находились в равном положении в вампирской иерархии, хотя я стал вампиром всего четыре года назад, а он был старше почти в двадцать раз. Оставайся я просто солдатом, его бы так не плющило... Так и не найдя общего языка, мы все-таки пошли в казарму.

Здесь Эскиндеру стало гораздо легче. Он встретил нескольких старых знакомых, а я, облегченно вздохнув, ушел к себе. В конце концов, долг хозяина я выполнил, у меня шли отсыпные сутки, и я с радостью улегся в койку. К моему собственному изумлению, уснул я сразу и так крепко, что не заметил, как ушли Эскиндер со своим патроном.

Две или три недели мы ждали очередной Охоты, но она так и не состоялась. К концу месяца стало известно, что наши масоны ушли через Тибет в Непал и там растворились. Майор только задумчиво развел руками и проронил:

– Опыт, ничего не поделаешь...

...Время шло, и я начал всерьез волноваться. Особенно после последнего разговора. Слова учителя сбывались с патологической скоростью. Появление Ельцина грянуло, словно гром с ясного неба. Оставалось только скрипеть зубами и бессильно наблюдать, как он с упорством помогает генсеку разрушать страну. Я мог только поражаться, глядя на то, как он раз за

разом шел в ловушки, которые искусно готовил ему старший товарищ. А оттого, что Ельцин считал свой курс единственно верным, а себя полностью независимым в суждениях и поступках, становилось еще страшнее. А когда на экранах появлялся Сахаров, мне становилось еще хуже. Учитель же, вообще, молча уходил из комнаты.

Нас пока это не касалось. Во всяком случае, непосредственно. Наоборот. Казалось, что проблемой Афганистана теперь озабочены все. Но впечатление от этой заботы портила фальшь, сквозящая в каждой статье, в каждом выступлении. Духи нагтели все больше, снабжение армии становилось все хуже. Все чаще, чтобы заткнуть прорехи, нас бросали в мясорубку, несмотря на то что открытые боевые действия – не наш профиль. Но, честно говоря, мы не сопротивлялись. Уж очень было жалко пацанов. А мы всегда могли получить свое лекарство, не отходя с позиций. Правда, многие предпочитали таскать с собой ампулы и пакеты с кровью. Уж больно духами брезговали. Ведь они, как и положено настоящим бандитам, моются раз в году, а не пять раз в день, как по вере положено, и не боятся же гнева Аллаха. А вампир тварь нежная, от грязи дохнет. Ну, может, и не дохнет, но никому неохота лишний раз унитаз пугать.

События между тем стремительно набирали обороты. От той помойки, которая теперь лилась с экранов и газетных страниц, становилось просто тошно. Откуда только взялись эти журналисты-правдолюбцы, со своими сенсационными разоблачениями? Ни один из них не вспоминал не только о том, что еще несколько лет назад они, захлебываясь от восторга, славили Советский Союз и партию, они, похоже, начисто забыли, что именно благодаря этой самой власти, которую теперь с упоением топтали ногами, имели свои дипломы, позволяющие им работать.

Однажды, не выдержав, я высказал эти мысли майору. Он внимательно выслушал меня, задумчиво кивнул и негромко пояснил:

– Понимаешь, дело в том, что ни один из них в действительности не знает, что такое жить при царе или капитализме. Все привыкли к декретным отпускам, больничным, бесплатному лечению и образованию, возможности не зависеть от религиозных прихотей, они не знают, что такое эпидемии. А я хорошо помню, как вымирали от сифилиса целые деревни. Помню кашляющих кровью чахоточных и забитых насмерть детей и жен. Я видел эту грязь и боль, а через дорогу – бархатную улицу, на которую не смели ступить даже разночинцы. Да зачем так далеко ходить. Их бы сюда, в Афганистан. Только не в Кабул, а в любой кишлак, где бай – царь и бог, а мулла – бог и царь. Думаю, этих прелестей им хватило бы уже к вечеру.

– Тогда почему? Зачем?

– Очень просто! Часть из них очень хорошо оплачена. Но эти не так страшны. Продажных журналистов, писателей, художников видно сразу. Гораздо более опасными являются другие. Их очень мало, но они искренне верят в то, что семьдесят лет назад в империи был рай. Их вера заразительна именно потому, что искренняя.

– Кошмар какой-то! – я помолчал, а потом робко добавил: – Но ведь и авторитетные люди говорят о том же.

– И кого ты конкретно имеешь в виду?

– Ну, например, Солженицын.

– Ага! С такой фамилией только за правду бороться! – майор презрительно фыркнул. – Никогда не интересовался историей образования фамилий? А зря. Наверное, все его предки были очень «правдивы»...

Я не удержался и хихикнул, а потом спросил:

– А Ростропович?

– Этот? Типичный пример талантливого интеллигента, на котором женилась амбициозная и талантливая стерва⁸. Она сперва сделала все, чтобы испоганить отношения с коллегами, а потом довела дело до отъезда. Почти никто не знает, как он перед выездом ночами рыдал.

– Но кто-то знает? Кто?

– Я, например! – учитель ехидно прищурился.

– А Сахаров?

Этот вопрос давно вертелся у меня на языке, но сразу спросить я не решился. Майор зло нахмурился.

– Это долгая история. Ну ладно, расскажу. – Он задумчиво побарабанил пальцами по столу, затем тихо вздохнул и, пожав плечами, продолжил: – Начнем с начала. В Арзамасе-16⁹ в пятидесятые годы группа ученых-ядерщиков работала над идеей водородной бомбы. Идея была хороша, а вот с воплощением ничего не выходило. Что бы они не пробовали, ничего не получалось. Но тут, совершенно случайно, в группе появился молодой аспирант, которого взяли только потому, что у него родился ребенок и ему сверхсрочно понадобилась квартира. Хоть где! Хоть у черта на куличках! Хоть в засекреченном Арзамасе. Ведь молодой семье нужно где-то жить. Фамилия его была... Угадай какая.

– Сахаров! – не боясь ошибиться, предположил я.

– Смотри-ка, догадливый какой. Работал он не в основной группе, а в группе дизайна, если так можно выразиться, что ли. Они занимались не столько теоретическими выкладками, сколько попытками спроектировать корпус для еще не существующего устройства. О том, что запалом к водородной бомбе должна служить атомная, уже все знали, но вот как их взаиморасположить, чтобы схема сработала, никто даже не догадывался. А молодой физик взял да и высказал интересную идею. И ученые, застопорившиеся в своих изысканиях, решили принять ее вместо разработок, украденных в Штатах. Справедливо решив, что хуже не будет. И о чудо! Устройство заработало! Как только сведения об успешных испытаниях просочились за пределы Союза – надеюсь, ты не сомневаешься, что такие исследования долго хранить в тайне не удастся, – Сахаров получил письмо от Оппенгеймера. В котором тот просил намекнуть о принципах работы данного устройства.

– Вот сволочь! – не удержался я.

– Не сволочь, – откликнулся майор, – идея Оппенгеймера¹⁰ заключалась в том, что одна страна не может обладать сверхоружием. Должно быть как минимум две стороны, стоящие на разных политических позициях, имеющие одинаковый арсенал – так называемая теория вооруженного до зубов мира. В этом случае никто не рискнет напасть первым.

– Вот он бы нам что-нибудь и рассказал! – возмутился я. – А то подай им готовые решения, на тарелочке с голубой каемочкой.

– А он и рассказал. В свое время он переслал Харитону¹¹ подробнейшее описание атомной бомбы. За что и поплатился.

Я ошеломленно пялился на учителя. Этого я не знал и даже не подозревал, что такое возможно. Получалось, что этот самый Оппенгеймер был отважным и честным человеком, несмотря на то что жил и работал в Соединенных Штатах. А майор продолжал:

---

⁸ Именно она на нем женилась! И именно она была хозяйном в доме. Так считают многие, в том числе и автор.

⁹ Арзамас-16 – нынче Саров, один из самых засекреченных городов России. Столица ядерного проекта СССР.

¹⁰ Джулиус Роберт Оппенгеймер (англ. *Julius Robert Oppenheimer*) – американский физик-теоретик и физик-ядерщик, широко известен как научный руководитель Манхэттенского проекта, в рамках которого в годы второй мировой войны разрабатывались первые образцы ядерного оружия; из-за этого Оппенгеймера часто называют отцом атомной бомбы.

¹¹ Юлий Борисович Харитон – выдающийся советский физик-теоретик и химик. Возглавлял процесс разработки атомного и водородного оружия и играл ключевую роль в создании знаменитой АН602 или «Царь-бомбы», самого мощного ядерного снаряда в истории человечества.

– Его с треском уволили. Запретили занимать должности в научно-исследовательских институтах, закрыли выезд из страны. Хорошо, хоть не казнили за предательство национальных интересов. Между прочим, его идею поддержали все ученые-оружейники мира. И ни одно правительство ничего не может сделать. Самые секретные разработки почти моментально становятся известны в других странах. Отказались от сотрудничества только двое. Первым был Энрике Ферми, вторым – Андрей Сахаров. Ты думаешь, Сахарова на всемирные конгрессы наши не выпускали? У нас, к твоему сведению, выпускали и более засекреченных академиков. Нет, дело было интересней, его просто туда перестали приглашать. Мировой наукой ему был объявлен бойкот.

– Но зато наши ученые и военные сказали ему спасибо! – возразил я.

– Так сказали, что и разговаривать перестали. А однажды Сахаров прочел высшему армейскому руководству лекцию о действии своего нового сверхоружия. Более того, он математически рассчитал тактику его применения, действие и количество этого оружия для полного уничтожения наших оппонентов. Это был последний случай его общения с военными. Даже выдавшие виды генералы, прошедшие войну, концлагеря и современные локальные конфликты, были шокированы и между собой решили, что с этим зверем общаться нельзя. Вот после этого и встал вопрос, что с ним делать. Выслать было невозможно – его не принимала ни одна страна. Причем из-за того, что все научные и военные организации не желали иметь с ним никаких дел. Секрет водородной бомбы в середине шестидесятых перестал быть секретом. Держать мировую величину в Арзамасе-16 было как-то неудобно. Да и коллеги с ним работали только потому, что им приказывали. В остальных случаях общаться с ним просто отказывались. В Москве его никто не ждал. Да и весь генералитет встал на дыбы. Поэтому оставалось только одно: – ему предоставили квартиру со всеми удобствами в Нижнем Новгороде, а чтобы не учудил ничего, вроде той же водородной бомбы, поставили под негласное наблюдение. Вот после этого в нем вдруг заговорило человеколюбие. Куда только делся ученый, готовый уничтожить одним массированным ударом полтора миллиарда человек. Вместо него появился ярый антисоветчик и правозащитник. А всем нашим правдолюбцам такое добро – в самый раз. Им ведь не права человека надо защищать, а просто кушать хочется. Они любого на пьедестал поставят, лишь бы в тему говорил. А вообще, память человеческая – странная штука. Сегодня его на трибуну выпускают, но говорить не дают. А завтра памятник поставят...

Мы грустно помолчали. Я хотел было еще кое-что спросить, но нам помешал помощник дежурного по части, который влетел в комнату отдыха с криком:

– Товарищ майор! Готовность номер один! Через две минуты общее построение и посадка на вертушки!

– Что случилось?

– На перевале духи наш караван зажали! Нужно вытаскивать!

Забыв обо всем, мы кинулись на плац. Раз подняли именно нас, значит, дело очень серьезно...

Новелла IV

...Над дорогой висело густое облако пыли. Огромная колонна военной техники, извиваясь змеей, конца и начала которой не было видно, с лязгом и грохотом двигалась в направлении металлического моста через реку Сунжа. Это была граница между Афганистаном и Советским Союзом. Мы уходили.

Приближаясь к водной ленте, покачиваясь на броне БМД, я ловил себя на странных ощущениях. С одной стороны – закончилась никому не нужная, странная война. С другой – наш выход скорее напоминал бегство. Позади оставались могилы, непохороненные друзья, неосвобожденные пленные и огромное количество брошенной техники и оружия. Впереди ждала неизвестная мирная жизнь, от которой мы уже отвыкли, и страна, которая знать не хотела своих героев.

Хорошо срочникам. Они, закончив службу, разъезжались по домам (хотя какое место в жизни может найти тренированный убийца). Постоянному личному составу было хуже. Офицеры абсолютно точно знали, что им просто негде будет жить. Большинство из них давно разведены – жены не выдерживали настоящих боевых будней и постоянного ожидания похоронки. Поэтому идти им было точно некуда. О чем думало наше руководство, выбрасывая войска из зоны боевых действий без предварительно подготовленной базы, не представляю.

Нам, вампирам, было проще. Нас и так особо никто не жаловал, да и не ждал. Отсутствие кровных родственников – иногда обстоятельство скорее положительное, чем отрицательное. Большинство из нас пережило уже внучатых племянников. С пересечением границ тоже все просто. Мы, будучи настоящими космополитами, постоянно передвигались по миру, изредка оседая в той или иной стране на десять – двадцать лет, для отдыха. А потом снова отправлялись в горячие точки. Война все-таки хорошая встряска для оживления эмоций.

Я отвлекся от грустных мыслей. Грохоча гусеницами металл о металл, наша машина пересекла мост. Мы были дома. У меня на глаза невольно навернулись слезы. Вдоль дороги бегали мальчишки, восторженно размахивая руками, и, как иссохшие саксаулы, опираясь на палки, гордо стояли аксакалы. И ни один из них не боялся ни нас, ни случайно найденных на дороге предметов.

– Ну вот, кажется, и дома! – хлопнул меня по плечу майор, жадно разглядывая все, что нас окружало. – Знаешь, Ваня, сколько я уже по миру походил? А все-таки лучше нашей земли нет. Вроде и воздух такой же, как в Афгане, и пыль... а сразу чувствуешь – Родина!

В ответ я смог только кивнуть. Комок в горле мешал говорить. Волной накатила щемящая радость от возвращения. Неожиданно захотелось прыгнуть на землю, набирать ее в ладони, гладить, целовать. Странно. До сих пор я считал, что такое бывает только в книгах и фильмах. Мне всегда казалось, что это просто метафора, с помощью которой автор подчеркивает чувства героев. И вот теперь, испытав все на собственной шкуре, я понял, как правдивы бывают метафоры. Пытаясь справиться с собой, отвернувшись от наставника и стараясь как можно незаметнее смахнуть с глаз слезы, я успел заметить, что большинство наших ребят взволнованы не меньше меня.

А еще внимание мое привлекло то, что границу мы пересекали в напряженном молчании, внимательно глядя на дорогу. Но как только полоса, отделяющая нас от войны, оставалась позади, все одновременно расслаблялись, словно где-то глубоко внутри спускалась невидимая пружина. Над машинами разлились смех, шутки, песни. По рукам шли фляги со спиртом. Будущие трудности казались несущественными по сравнению с тем, что мы пережили в Афгане.

Сидевший рядом Каркаладзе протянул мне бутылку, оплетенную лозой.

– За возвращение, тезка! – весело улыбнулся он.

Я глотнул не раздумывая. Напиток был душист и крепок.

– Чача, – пояснил Ваню, уловив мое удивление, – никакая водка с ней не сравнится.

– Здорово! – искренне ответил я.

– Специально берег, для такого случая! Все живы, все здоровы, все дома! За это не грех и выпить!

Я задумчиво покосился на него. Иногда Каркаладзе говорил с таким акцентом, что понять его было практически невозможно. Обычно акцент прорезался у него в присутствии вышестоящего начальства из людей, явившихся в роту с проверкой. Но чаще, особенно когда он был серьезен, как сегодня, акцент куда-то испарялся и Ваню изъяснялся на чистейшем русском языке. Я повернулся к учителю и увидел, как застыло его лицо. Глаза на несколько секунд остановились, словно вглядываясь во что-то невидимое. Все ясно, Бате срочно понадобился Ермоленко, но использовать радиосвязь он не захотел, значит, вопрос серьезный. К телепатическому общению вампиры старались без особой нужды не прибегать. Я же вообще его не жаловал, хотя в школе прапорщиков, да и в части, меня этому обучали. Не знаю, как у кого, а у меня после каждого сеанса дико болела голова. Но как экстренный способ общения телепатия годилась. Радовало меня только одно. Ментальные способности развиваются гораздо медленнее, чем все остальные. Поэтому в ближайшие пятьдесят лет можно было не бояться лишней головной боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.